

INSPIRIA

ЗДЕСЬ ЕЕ ПОЧТИ СВЕЛИ С УМА.
ТЕПЕРЬ ОНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ,
НО УЖЕ В СОВСЕМ ДРУГОМ КАЧЕСТВЕ...

КЛИНИКА

САЛЛИ ЭНН МАРТИН

INSPIRIA

Ток. Пациент. Психиатрический триллер

Салли Энн Мартин

Клиника

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Мартин С.

Клиника / С. Мартин — «Эксмо», 2022 — (Ток. Пациент.
Психиатрический триллер)

ISBN 978-5-04-179150-6

Здесь ее почти свели с ума. Теперь она возвращается, но уже совсем в другом качестве... Психиатрическая лечебница «Сосновый край» — огромный особняк посреди болот. Целый век здесь калечили людям психику, якобы борясь с их безумием. Все закончилось неистовым бунтом пациентов и убийством смотрительницы. Теперь в здании разместилась клиника «К прекрасной себе» — последняя надежда для женщин, отчаявшихся похудеть. Дженни — одна из жертв «Соснового края». Много лет она провела в стенах этого садистского заведения и до сих пор не может прийти в себя. Но когда ее арендодатель решает присвоить этот особняк, именно Дженни предлагается проникнуть туда и собрать компромат на хозяйку нового заведения. Девушка не может отказаться — слишком соблазнительна сумма вознаграждения для той, кто едва сводит концы с концами. Бывшая узница психбольницы с содроганием возвращается в место своих мучений. Но находит совсем не то, за чем ее послали: нынешняя клиника хранит тайну посерьезнее каких бы то ни было махинаций. Смертельную тайну... Автор книги работала медсестрой в психиатрической клинике старого образца — как та, что изображена здесь.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-179150-6

© Мартин С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Неделя первая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Салли Энн Мартин

Клиника

Sally-Anne Martyn

THE CLINIC

First published in Great Britain in 2022

© Sally-Anne Martyn

© Тулаев В.Н, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Сумасшествие – идеальный способ приспособления к безумному миру.

Р.Д. Лэнг¹ (1927–1989), психиатр от «контркультуры»

Психиатрическая лечебница «Сосновый край»

Национальной системы здравоохранения

1975 год, Гристорп, Северный Йоркшир

Дождь стучал по перекладинам железных ворот, освещенных фарами ржавого «Моррис Мартина». Желтые отблески упали на покрытую гравием дорожку, и автомобиль, устало шевеля «дворниками», проехал под вытянувшимися над дорожкой кривыми иссохшими ветвями, напоминающими руки древней колдуньи. Ветер свистел, стуча в стекла «Морриса», и раскачивал старые деревья.

Машина со скрипом притормозила у главного входа, разбрасывая шинами мелкие камешки. Открылась дверца водителя, и на улицу, придерживая под мышкой стопку папок, шагнула женщина. Поправила забрызганные дождем очки и поймала соскользнувшую с плеча сумочку. На ее расклепанных джинсах виднелись отпечатки жирных пальцев; судя по всему, выезжать пришлось срочно, не дождавшись окончания ужина.

Порыв ветра выхватил из папки рукописный лист бумаги, и тот мягко спланировал на дорожку. Синие чернила немедленно начали расплываться под дождем. Женщина чертыхнулась и, скомкав поднятый с земли листок, сунула его в бумажный конверт. Обернулась к машине и нетерпеливо махнула рукой человеку, сидевшему на заднем сиденье. Дверца открылась; наружу выбралась худенькая девочка лет пятнадцати, осторожно поставив на дорожку ногу, обутую в высокий ботинок «Док Мартенс», словно опасалась, что земля того и гляди разверзнется под ее ногами. Ей в лицо ударил ветер с дождем, и девочка съежилась.

Она застыла перед входом, окаймленным каменной аркой, и бросила взгляд на возвышавшуюся над дверью высокую башню с часами. Часто заморгала, словно очнувшись ото сна. Одиннадцать вечера... Наверняка друзья висают в парке, попивают сидр из пластиковых

¹ Ранее в российских изданиях его трудов фамилия передавалась также как Лэйнг и Лейнг.

бутылочек, докуривая последнюю сигаретку. Ни тебе обязательных пепельниц, ни заброшенных мусором улиц. Она глянула в нижнее окошко башни, откуда на нее пристально смотрела молодая женщина, пристроив руку козырьком над глазами. За кованой решеткой толком ничего не разглядишь. Так, молочно-белое лицо, привидение какое-то...

Крупная дождевка упала Дженни прямо в глаз, и она, утершись, перевела взгляд на свою обеспокоенную сопровождающую. Та уже прошла в приемный покой, и Дженни потопала следом. Встала у стола, над которым свисала изрядно полысевшая мишура, и уставилась на неодобрительно воззрившийся на нее мраморный бюст.

– Это смотрительница Доусон, – сказала женщина, обратив внимание на немой диалог девочки с памятником. – Веди себя прилично, здесь твои выходки терпеть не будут.

Девочка медленно кивнула и вытерла мокрое лицо рукавом кардигана, размазав тушь по щекам. Женщина, повернувшись к администратору, сообщила данные новой пациентки. Дженни вжала голову в плечи, словно Алиса в Стране чудес, вдруг попавшая в чуждый ей мир. Ее темные волосы упали на бледное лицо, а тонкие пальцы сжали большой пакет с собранными в спешке необходимыми вещами: бельем, пижамой и даже плюшевым мишкой с клочковатой, местами выщипанной еще в детстве шерстью.

В воздухе раздался вой сирены, сопровождаемый взрывом проклятий в коридоре клиники, и девочка прижала руки к ушам. Оглянулась в поисках источника криков и заморгала, заметив обнаженного по пояс, густо татуированного мужчину. Тот бежал к ней, размахивая бильярдным кием. Деревянная палка зацепила лампу дневного света, и сверху посыпались осколки. Мужчина, хихикнув, бросил безумный взгляд на усеявшее пол стекло.

В коридорах застучали тяжелые ботинки – к татуированному со всех сторон бежали крепкие парни в белых халатах. Началась свалка, и безумца прижали к полу.

– Подонки! – завизжал сумасшедший.

Девочка отняла ладони от ушей и подошла ближе, уставившись, как зачарованная, на покрытое синей вязью татушек тело больного, извивающееся в руках семерых санитаров. Наконец тем удалось зафиксировать бешено дергавшиеся руки и ноги, и мужчина замер на битом стекле.

– Беги, пока можешь! – выкрикнул он. – Завтра будет поздно!

С него стянули грязные джинсы, обнажив молочно-белые ягодицы, куда тут же глубоко вонзили шприц. Бешеный взгляд мужчины еще раз остановился на лице девочки; псих усмехнулся, показав гнилые зубы, затем его глаза закатились, и рыхлое тело безжизненно обмякло.

Дженни обернулась к стойке администратора. Женщина, доставившая ее в клинику, шепотом беседовала с дежурной, со знанием дела посматривавшей на новенькую. Наконец женщина двинулась к Дженни, но та, схватив сумку, со всех ног припустила к выходу. Женщина вытянула руку, пытаясь схватить девочку, получила сильный толчок в грудь и вскрикнула от боли. Добежав до тяжелой дубовой двери, Дженни крутанула железную ручку. Заперто! Ударила кулаками в твердое дерево раз, другой и, не сдержав слез, полившихся по горячим красным щекам, отчаянно закричала.

Слева распахнулась другая дверь, и чья-то рука, ухватившись за джинсовую куртку, оторвала несчастную от пола – так охотник торжествуя поднимает в воздух тушку застреленного зайца. Дженни развернули на весу и вновь поставили на ноги, толкнув в коридор.

Дрожа всем телом, она моргала от света флюоресцентных ламп, а рука продолжала подталкивать ее в глубь лечебницы. Дженни на ходу достала из сумки плюшевого медвежонка и сжала его мягкое пушистое тельце. Над головой танцевали мелкие мотыльки; Дженни тащили все дальше, в царящую в коридорах темноту...

1

Клиника «К прекрасной себе»

(бывшая психиатрическая лечебница «Сосновый край»)

Декабрь 2002 года

Продвигаясь к первому этажу, лифт загремел и, скрипнув, остановился. Доктор Ребекка Кавендиш минуту постояла, разминая длинную стройную шею, слыша, как пощелкивают позвонки. Расслабилась, смахнув мельчайшие частицы штукатурки со сшитого на заказ костюма, и несколько пылинок опустилось на ее дизайнерские туфельки. Она фыркнула и, смочив слюной белый носовой платок, до блеска протерла носок туфли.

Первый взгляд на окружающий мир Ребекка бросила из детской коляски «Силвер кросс», в которой ее возила нанятая в агентстве нянька. С тех пор прошло сорок пять лет, и основными ценностями в жизни доктора Кавендиш оставались стиль и роскошь, которых она твердо придерживалась, предпочитая обувь от «Маноло Бланик» и шляпки от «Филип Трейси».

Она открыла железную решетку лифта и, распахнув дверцу, шагнула в мрачный, разрисованный граффити коридор. Проход соединял помещения старой психиатрической лечебницы с новой клиникой. Ребекка далеко не первый раз была в этом неотреставрированном закутке – и все же никак не могла привыкнуть к царившему здесь едкому застарелому духу мочи. Моющие средства его не брали; за много лет зловоние въелось в стены и пол – так масло пропитывает ветошь. Ребекка прижала к носу ладонь и вдохнула изысканный запах духов, невольно подражая викторианским леди, приводившим себя в чувство ароматическими солями.

Открыв дверь напротив лифта, она ступила в свою клинику и тут же заперла замок, отгородившись от вони человеческих выделений. Лучи зимнего солнца пробивались сквозь гранитную толщу туч, подсвечивая оранжевыми отблесками снежно-белые стены и гладкий, покрытый плиткой пол. Ребекка на миг остановилась, купаясь в теплом декабрьском солнце, и ее губы тронула удовлетворенная улыбка. Какие же здесь тишина и покой! Ее клиника...

Тяжелый аромат огромных лилий, стоящих в расставленных по углам вазах, заглушал еще не выветрившийся запах краски. До ремонта многие клиенты жаловались на исходившее от стен странное амбре. Приходилось объяснять, что подобные явления вполне обычны для старинных зданий, равно как и поскрипывание полов, и периодические перепады напряжения. Все это – история. Тем не менее Ребекка не желала лишней критики, потому и наняла дизайнеров, после чего поля для отзывов из бланков клиники решили убрать.

Клиника «К прекрасной себе» расположилась на обширном первом этаже бывшей психиатрической лечебницы «Сосновый край». Здание представляло собой викторианскую махину из красного кирпича, возвышавшуюся на заросшем соснами холме над пришедшим в упадок северным городком Гресторп. Когда-то он процветал за счет того, что большая часть населения работала в лечебнице. Служащие подобно муравьишкам день и ночь сновали по городу и по склонам холма. Теперь же от Гресторпа остались лишь обшарпанные фасады магазинчиков да длинные очереди, собиравшиеся по четвергам у почтовых отделений. Сначала построили лечебницу, а городок образовался вокруг нее уже после – персоналу нужно было где-то жить. Потом сердце Гресторпа остановилось, и тело его начало гнить и разлагаться.

В дальнейшем Ребекка решила вычистить и привести в порядок второй этаж здания, после чего расширить свои владения. Совет передал ей «Сосновый край» в аренду на ближайшие три года. Год прошел, осталось еще два, и ей следовало доказать свою экономическую состоятельность. Впоследствии бывшую психиатрическую лечебницу можно выкупить: наследство Ребекка получила приличное. В таком случае будущее владелицы и самой клиники станет безоблачным.

Первый этаж отличался симметрией, которая привлекла Ребекку с первого взгляда. Ранее план здания предусматривал разделение пациентов мужского и женского пола, и в каждой половине находилось одинаковое количество палат, зон отдыха и ваннных комнат. Между мужским и женским отделениями находились огромная кухня, столовая, библиотека и опоясанная галереей комната дневного досуга. Вход в клинику был утоплен во внушительной каменной арке в самом центре фасада, и за дверями открывался просторный, выложенный богато украшенной плиткой вестибюль.

Ребекка прошла по коридорам, словно вступающая в Рим Клеопатра, – медленной величавой поступью, гордо подняв голову, увенчанную высоко уложенной башней блестящих каштановых волос. Ожидалось прибытие новых клиенток, и этот миг всегда наполнял ее душу возбуждением. Ребекке не требовались рукоплещущие толпы; она успешна – и этого довольно.

Она шла, и ее элегантная фигура отражалась в вычурных настенных зеркалах, развешанных между дверными и оконными проемами. Зеркала достались ей от старой лечебницы, и каждое из них, произведенное в период от начала девятнадцатого и до конца двадцатого века, было отреставрировано в местной мастерской. Они наполняли пространство светом и красотой, неустанно напоминая клиентам о причинах, по которым те очутились в клинике. Первые несколько дней клиенты обычно избегали своих отражений, однако со временем страх уходил, зеркала начинали свидетельствовать о достигнутых в ходе программы результатах, и Ребекка торжествовала. Самоконтроль – путь к успеху; если клиент не желает смотреть в лицо проблеме – чем может помочь главный врач клиники?

Плитку на полах выложили еще в 1899 году, в момент открытия «Соснового края». Ребекке советовали разбить ее и сделать новенькое белое покрытие, подходящее к задуманной ею концепции клиники. Она отказалась наотрез. Каждая царапина и потертость напоминали о когда-то проезжавших по коридорам каталках. Следы безумия... Важнейшая часть истории здания, которую Ребекке хотелось сохранить. Пол глазурировали, запечатав призраков прошлого под прозрачным слоем.

Глянув в большое антикварное зеркало, она обратила внимание на соринку на плече и сделала шаг вперед. Так и есть – на твидовом пиджаке осело еще несколько мелких чешуек штукатурки. Сбив их щелчком, Ребекка развернулась и заметила движение за окном.

На улице мелькнула темная фигура и исчезла под распростертыми кривые ветви дубами, стоявшими вокруг клиники, словно полк деревянных солдат. За лесом лежал внешний мир. Глянув на территорию, Ребекка обнаружила, что двое охранников режут в карты на металлических ступенях сторожевой будки. Пришельца никто из них явно не видел. У Ребекки дернулся глаз, и она, стиснув зубы, громко постучала костяшками пальцев в толстое стекло, заставив его дрожать в старинной оконной раме.

Взгляды охранников забежали по окнам. Наконец оба заметили доктора Кавендиш и, быстро собрав карты, бросили их в коробку. Несколько штук выпали; один из мужчин подобрал их и в спешке запихнул в карман брюк. Подхватившись, охранники немедленно двинулись по периметру здания.

На солнце напозвала угольно-черная туча. На улице сразу посерело, и лес скрылся за хмурой пеленой дождя.

Ребекка поспешила в приемное отделение. В голове теснились неприятные мысли: кто мог подумать, что так трудно заставить персонал четко выполнять свои обязанности? Две асси-

стентки – Ким и Тина – помогали с организацией занятий и следили за нуждами клиентов. Еще в штате имелась повариха (она же экономка) Аня, а также Роберт, которого Ребекка знала много лет. У них были общие интересы; помощник работал с заявками потенциальных клиентов и руководил работниками, когда главный врач находилась в отлучках. Она знала, что Роберту всегда можно доверить присмотр за хозяйством клиники, а самой сосредоточиться на любимых занятиях.

В целом штат справлялся со своими задачами и требования Ребекки выполнял, однако безопасность... Охранники постоянно испытывали ее терпение. Бывшая психиатрическая лечебница словно магнитом тянула к себе разных нежелательных личностей от поклонников дьявола и охотников за привидениями до бродяг в поисках дозы. Если Ребекка желала продолжать успешный бизнес, держа в уме разрешение на выкуп здания, ей требовалась надежная защита и для клиенток, и для персонала.

Она прошла сквозь общую комнату дневного досуга, которую теперь называли зоной релаксации. Диван и несколько кресел с высокими спинками были позаимствованы из инвентаря «Соснового края». Ребекка распорядилась обтянуть их новеньким ситцем с цветочным орнаментом. Низкий кофейный столик отшлифовали, удалив с него нацарапанные шариковой ручкой ругательства, и поставили в центре помещения. Сейчас на его столешнице лежали толстые книги, посвященные садоводству, природе, здоровому питанию и косметике. Большая книжная полка на стене была забита потрепанными книгами, среди которых стояли пожелтевшие томики Стивена Кинга и Джилли Купер. Чтение – отличное средство для того, чтобы отвлечься от той жизни, которую клиентки вели до прихода в клинику.

Литературой Ребекка разжилась в старой библиотеке, а вот все найденные на ее стеллажах журналы решила сжечь. Многие из них были выпущены полвека (а то и больше) назад: заляпанные кофейными пятнами, захватанные жирными руками листы... На страницах, посвященных путешествиям в Сен-Тропе и Алгарви², виднелись черные следы от сигарет. Рассказы о далеких странах не столько развлекали, сколько дразнили болезненное воображение бывших пациентов.

Пять лет назад психиатрическая лечебница закрылась. Выселение обитателей оказалось таким внезапным и поспешным, будто они просто кинулись в супермаркет за хлебом и сигаретами. Кровати так и остались аккуратно запроваженными, в металлических чайниках плавали чайные пакетики, а на тумбочках лежали назначенные к приему лекарства.

Совет округа начал принимать предложения от лиц, заинтересованных в помещении «Соснового края», предупреждая, что обстановка в здании ни на йоту не изменилась со времени его функционирования в качестве «желтого дома». Застройщиков подобный проект отпугнул: никому не хотелось заниматься утилизацией металлических кроватей и пропахших потом матрацев. Другое дело – доктор Кавендиш, прельстившаяся исторической ценностью здания. Ее захватила идея посильного сохранения доставшегося от государства имущества и придания ему новой жизни.

Далеко не все обрадовались, когда Ребекка победила в конкурсе на право аренды. Те же самые застройщики кусали локти, исходя слюной при мысли о прибылях, которые сулил земельный участок на холме. Уж кто-кто, а они со своими экскаваторами не питали не малейшего уважения к древнему наследию. Для них бывшая лечебница была всего лишь грудой камней из ушедшей эпохи, которую следовало снести и построить на ее месте нечто современное. Мнения совета разделились, однако в конце концов пришли к выводу, что клиника красоты внесет лепту в формирование имиджа умирающего города, ранее испытывавшего зависимость

² Алгарви – самая южная область Португалии, популяризованная как курортная зона британскими отдыхающими во второй половине XX в.

от наличия рабочих мест в «Сосновом крае». Не было никакого смысла строить жилые дома, если городу нечем привлечь новых жильцов.

Три года трудные подростки устраивали дикие оргии в морге пустующей лечебницы, и наконец совет определился: клинике быть. Доктора Кавендиш торжественно уведомили о предоставлении права аренды. Еще несколько месяцев одурманенные алкоголем и наркотиками рэйверы и охотники за привидениями упорствовали: били окна, размалевывали заброшенные помещения странными символами – и все же поняли, что с амбициозной Ребеккой Кавендиш тягаться не стоит. Хотя застройщики не решались вступить в открытый конфликт с доктором новой формации, Ребекка постоянно ощущала их неприязненное отношение, нависшее над головой, словно древнее проклятие.

Ее предшественница, бывшая смотрительница «Соснового края» миссис Доусон, не смогла противостоять закрытию лечебницы. Ребекка была уверена, что сможет отогнать жадных застройщиков от здания, чего в свое время не сумела сделать Доусон.

* * *

Подняв валяющуюся на полу газету, доктор Кавендиш прошла в вестибюль и замедлила шаг, увидев неожиданного гостя.

– Привет! – поздоровался тучный мужчина, зажав в левой руке планшет и ручку, а другую протянув доктору.

Помедлив, Ребекка ответила на рукопожатие, ощутив твердые, царапнувшие ее нежную кожу мозоли на ладони толстяка. Мельком отметила забавный галстук с Бартом Симпсоном – должно быть, подарок к предстоящим праздникам.

– Добрый день. Признаюсь, не ждала сегодня посетителей.

– Ну, наверное, сегодня их и не было? У вас тут настоящая глухомань. Надеюсь, ваши клиенты имеют при себе хорошие карты. Мне и самому следовало бы взять проводника.

– По моему мнению, уединение работает только в том случае, если пациент полностью отстраняется от стрессов повседневной жизни. Так что чем дальше, тем лучше. «Сосновый край» – идеальное место.

– О да! Всегда считал, что с этим зданием надо что-то придумать после краха лечебницы...

– Итак, чем могу быть полезна? – бросила доктор Кавендиш, стерев с лица фальшивую улыбку.

– Простите, что не уведомили заранее. Мы получили информацию, которую необходимо проверить, так что я проезжал мимо и... – Посетитель окинул взглядом Ребекку, явно замороженный ее изящной фигурой. – Должен сказать, что ожидал увидеть самого обычного доктора, а тут – такой приятный сюрприз!

– Что за информация?

– Простите, простите, – заволновавшись, мужчина отвел глаза. – А... как насчет мистера Кавендиша? Он тоже здесь?

– Никакого мистера Кавендиша в природе не существует. Это моя клиника, мистер...

– Я Гривз, из совета.

Он достал из кармана визитную карточку, и доктор Кавендиш, внимательно прочитав текст, широко улыбнулась.

– Чашечку чая?

– Надеюсь, у вас не цветочные чаи, которые обожает моя жена? Меня от них просто выворачивает, – сказал Гривз, выразительно положив пухлую руку на живот.

– У нас большой выбор, Фрэнк. – Ребекка улыбнулась.

– Откуда вы знаете, как меня...

– Визитка, – перебила она, похлопав по кармашку пиджака.

– Ах да!.. А вас как зовут?

– Доктор Кавендиш.

– Верно, верно... спасибо за предложение, доктор Кавендиш. Найдется самый обычный крепкий чай – буду благодарен. Если, конечно, вас не затруднит...

– Вовсе нет. Пройдемте в мой кабинет? Что ж мы так официально...

Мужчина открыл было рот, готовясь запротестовать, однако Ребекка помахала рукой, успокаивая его, и подняла трубку телефона на столе администратора. Рядом на стойке красовалась маленькая рождественская елочка; металлические игрушки мягко позвякивали на холодном сквозняке, поддувающим в неплотно закрытую входную дверь.

– Тина, пожалуйста, две чашки чая в мой кабинет. – Прикрыв микрофон рукой, она шепнула: – Сахар? – Фрэнк кивнул, и Ребекка повторила в трубку: – Да-да, с сахаром. Спасибо, Тина.

Положив телефон, она подошла почти вплотную к мужчине и ощутила резкий запах дешевого одеколona. По всей видимости, Гривз пытался замаскировать выпитое за обедом пиво. Ребекка положила руку ему на локоть, ощутив, как напрягся толстяк, и легонько потянула его к коридору.

– Кабинет рядом, там все и расскажете.

* * *

Гривз примостился на краешке дивана в эркере³. Его волосатое брюхо, проглядывающее в разошедшейся рубашке, свесилось между мясистых ляжек. По карнизу стучал дождь, и Гривз слегка повысил голос.

– Сегодня утром нам поступил странный звонок. Звонивший представился как... э-э... – Он покопался в портфеле, вытянув наружу планшет. – Джефф Коннер.

Мужчина вопросительно глянул на Ребекку, и та медленно кивнула, постукивая ноготками по краю стола.

– Насколько я понимаю, этот Коннер – дизайнер. Сообщил, что работал у вас на прошлой неделе.

– Да-да, точно, – с улыбкой подтвердила Ребекка, покачав головой. – Извините, Фрэнк, так много забот, просто мысли разбегаются...

– Понимаю, доктор. Не стоит извиняться. Но... знаете, Джефф говорит, что видел у вас в приемном отделении молодую женщину, азиатку. Рассказал, что та была перепугана и у нее лилась кровь из раны на лбу. Ему показалось, что девушка в очень плохом состоянии: кричала, звала на помощь... И вот здесь еще сказано: «Она выглядела как в фильме ужасов». – Гривз поднял голову от документа и уставился на Ребекку.

– О боже, как страшно. – Она улыбнулась. – Должно быть, Джефф видел Пиппу.

– Пиппу? – нахмурившись, переспросил Гривз.

– У нас тут, уж простите мою терминологию, Фрэнк... – Он в свою очередь улыбнулся, польщенный, что с ним разговаривают как со старым знакомым. – У нас тут достаточно психов. Нет-нет, не записывайте, пожалуйста!

Гривз удивленно почесал кончик носа.

– Пиппа – пациентка бывшей психиатрической лечебницы, здесь появляется регулярно. Не верит, что «Соснового края» больше нет. Ей кажется странным, что больше никто не назначает лекарств. Печальная история, Фрэнк. Это называется зависимость. Помогать таким – не моя задача.

³ Эркер – застекленное пространство, являющееся частью помещения, но вынесенное наружу, за пределы линии стены.

– Выходит, наркоманка? – спросил Гривз, водя ручкой в блокноте. – А рана? Почему не вызвали «Скорую»? Этот парень... э-э... Джефф, говорит, что вы не разрешили, сказали – сами справитесь.

Ребекка с удовлетворением отметила, что имя дизайнера прозвучало с некоторым сомнением: то ли Джефф, то ли какой-то шутник.

– К счастью, он ошибается. Пиппа то и дело падает – отсюда и синяки. Она ведь почти все время не в себе. Да, для человека непривычного ее травмы выглядят устрашающе, но никаких открытых ран у нее и в помине нет; соответственно, и «Скорая» ни к чему. Я угостила бедняжку чашечкой чая с печеньем и отправила ее домой. Боюсь, Пиппа здесь такая не одна, Фрэнк. С тех пор как закрылась лечебница, бывшие пациенты нередко прорываются на нашу территорию, почему мне и пришлось нанять серьезную охрану. Я уже беседовала с советником Паттон по этому вопросу, однако, похоже, безопасность клиники никого, кроме меня, не беспокоит. В «Сосновом крае» ведь одно время было не меньше тысячи больных, так что порой мы сталкиваемся с весьма серьезными проблемами.

Словно подтверждая ее слова, под окном прошел охранник, сдержанно кивнув Ребекке и ее собеседнику.

Гривз задумался, почесав небритый подбородок.

– Про кровь он говорил уверенно, доктор.

В дверь постучали. Услышав разрешение войти, Тина перешагнула порог, толкая перед собой белый столик на колесах с приборами для чаепития и блюдом, с горкой наполненным печеньем с сахарной посыпкой. Фрэнк жадно окинул взглядом гибкую фигуру ассистентки и глянул ей в лицо, только когда та открыла сахарницу.

– Две ложки, пожалуйста.

Тина положила в чашку два кубика сахара и размешала его ложечкой, нежно звякнувшей о тонкий фарфор.

– Печенье? – спросила она, приподняв блюдо.

– Не откажусь.

Гривз взял бисквит с вершочки пирамиды и надкусил, уронив несколько крошек на колени. Тина налила чай Ребекке и вышла. Фрэнк, запустив толстые пальцы в тарелку со сладким, даже не заметил ее ухода.

– Наверное, своим клиентам вы таких угощений не предлагаете? – осведомился он, роняя на пол кусочки печенья.

С улицы послышался слабый раскат грома, и доктор Кавендиш, улыбнувшись, подошла к Гривзу и присела рядом. Ее бедро коснулось ноги мужчины; Ребекка осторожно смахнула крошку печенья с его колена.

– К сожалению, Фрэнк, увидев душевнобольного человека, люди сразу делают выводы по его поведению и внешности. Как правило, эти выводы неверны. Надо меньше смотреть ужастиков.

Ребекка стряхнула еще одну крошку со штанины Гривза, словно невзначай проведя ноготками по его бедру. Тот вздрогнул и покраснел, смущенно дернув себя за воротник.

– Джефф встревожился, и я его не виню. Напротив, меня радует его отзывчивость. Если бы все так переживали за бывших пациентов «Соснового края»... Бедняжку вполне устроила моя помощь, хотя предложить я могла не так много – вызвала ей такси до города.

Ребекка вздохнула, сняла руку с колена собеседника и отвернулась, стерев намечающуюся в уголке глаза слезу. Она сидела, опустив голову, и Гривз положил мозолистую ладонь ей на предплечье.

– Вы сделали все, что могли, доктор Кавендиш. Извините, не стоило мне вас беспокоить. И все же сигнал поступил – мы обязаны проверить, куда деваться... Опять же, у этого места сложилась определенная репутация еще до того, как вы здесь появились.

– Нелегко видеть страдания людей и не иметь возможности им помочь, – вздохнула Ребекка. – Иногда задумываюсь: не стоило ли мне, как доктору, взять на себя нечто большее, чем эстетические процедуры...

– Что вы! Уверен, что ваши услуги и без того востребованы обществом. Простите, если я вас невольно расстроил.

– Ничего, Фрэнк, – пробормотала она, смахнув так и не выкатившуюся слезинку. – Вы просто выполняете свою работу, и я отношусь к этому с уважением.

Гривз улыбнулся и облегченно вздохнул.

– Ну что ж, по-моему, мы все обсудили. Спасибо за чай!

– Не за что. Заходите еще, – изобразила радушие Ребекка.

Поднявшись, они прошли в вестибюль, где Гривз задержался у мраморного бюста, изучая каменное лицо. В окне сверкнула молния, подсветив черты изваяния.

– Печально известная смотрительница Доусон?

Доктор Кавендиш подняла брови. Надо же, узнал...

– Она самая. Мне так и не довелось с ней познакомиться, однако полагаю, что миссис Доусон была сильной личностью. Мне показалось правильным сохранить этот бюст в ее честь.

– Жесткая дама... К такой побоишься приставать насчет недополученного фунта жалованья. Как вы здесь живете? Меня просто в дрожь бросало бы. Зная, что тут происходило...

– Могу я вам еще чем-то помочь? – осведомилась Ребекка, глянув на часы.

– Я вас и без того отвлек, так что буду прощаться. – Гривз взял со стойки буклет, пролистал и заинтересовался: – Сколько у вас стоит неделя пребывания в клинике?

– Боюсь, наши услуги только для женщин, мистер Гривз.

– Я не для себя, для жены. С того дня как мы сыграли свадьбу, она себя порядком запустила. Вот что я вам скажу: если после курса в клинике она хотя бы немного будет напоминать вас, я готов уплатить двойную цену! – Он сунул брошюрку в карман. – До свидания; еще раз извините, что потревожил.

Ребекка протянула ладонь для рукопожатия, и рукав ее пиджака задрался вверх. Гривз уставился на полоску кожи на запястье, разглядев белые крестообразные рубцы у самой кисти. Ребекка, заметив его взгляд, отдернула руку и поправила манжет.

На улице ударил гром – раз, другой. Над крышей клиники засверкала молния. Гривз в замешательстве отвернулся, глянул на беспокойное небо и, подняв над головой планшет, выскочил в дверь.

– Счастливо, Фрэнк! Рада была с вами познакомиться! – крикнула вслед доктор Кавендиш, однако ее слова утонули в шуме дождя.

Она посмотрела в окно. Гривз ковылял по дорожке, прикрывая голову планшетом с моментально промокшими бумагами. Со скрежетом завелся двигатель старого «Воксхолла», и автомобиль сорвался с места, выбросив клуб дыма в сырой серый воздух. Ребекка глянула ему вслед и после очередной вспышки молнии отметила, что большое красное пятно у самого крыльца, которое она так долго пыталась отчистить, все же до конца не отмылось. Ребекка передвинула большой горшок для цветов, прикрыв бледно-розовую кляксу, и вернулась в кабинет. Завтра прибывает новая группа.

2

Перевернув коробку для обуви, Дженни вытряхнула ее содержимое на кровать. Она делала это нечасто – лишь когда пыталась найти смысл в той жизни, которую вела уже сорок два года. Фотографии и вырезки из газет походили на головоломку, которая никак не хотела складываться, как ни составляй ее части.

Ее маленькая комнатка располагалась на втором этаже дома. Всего жильцов было шестеро, но Дженни никого из них не знала. Так, стук каблуков по лестнице да неясные силуэты, мелькающие у двери в подъезд.

Задумчивым выражением лица Дженни походила на Луизу Брукс. Ее иссиня-черные волосы и густо подведенные глаза резко выделялись на фоне ярко-зеленого накинутого для тепла кардигана. Обладая осанкой и гибкостью балерины, она спокойно сидела в позе лотоса, хотя ничего особенного для поддержания физической формы не делала.

Дженни сжала худенькие плечи, сгорбившись над бумагами и поблескивая лабретами в пробитых ушных раковинах. Над головой у нее висела лампочка без абажура, а рядом с кроватью – насколько хватало длины шнура – стоял бросающий оранжевые отблески обогреватель. Пошарив вокруг, она нащупала маленькую металлическую коробку и подтянула ее к себе.

Стены всех квартир дома были выкрашены в нежно-розовый цвет. Косметический ремонт делали каждые три года, закрашивая пятна и царапины, остающиеся по милости небогатых (а то и вовсе безработных) жильцов. Свою комнату Дженни как могла украсила фотографиями и картинами, а вот места общего пользования были сырыми и неуютными.

Не отрывая глаз от разбросанных по кровати бумаг, она вытащила из жестянки пакетик с табаком и папиросной бумагой, заученным движением вытряхнула немного смеси на полоску для самокрутки и свернула тонкую сигаретку. Достав из бездонной банки зажигалку, прикурила.

Врач периодически поругивал ее за курение: ведь Дженни отказалась от стольких вредных привычек, почему бы не бросить и эту? Ну уж нет. За свои сорок с лишком лет она много чего перепробовала, и хорошая сигарета представлялась ей не самым пагубным развлечением.

За стеной раздался шум – на лестничную площадку вышел сосед. Хлопнула дверь общей ванной, щелкнул шпингалет. Дженни глянула на часы. М-да, свое время для душа пропустила. Кожу после пешей прогулки по холодному городу еще покалывали ледяные иголки. Зря ходила: добралась до старой методистской церкви и робко отступила в тень, наблюдая, как в пыльное преддверие храма входят мужчины и женщины, рассаживаясь на раскладные стульчики.

Дженни подняла крупную золотую монету и прочла выбитые слова: «Будь верен сам себе»⁴. В центре монеты стоял номинал «II», совпадающий с количеством лет, в течение которых она вела трезвый образ жизни. Дженни была готова вручить свою судьбу высшим силам – те уж точно навредят ей не больше, чем способна она сама. Другое дело, что, надеясь в этом деле на высшие силы, ты тем самым признаешь, что простительны и пороки всех остальных.

Сняв с языка табачную крошку, она снова затянулась. За стеной включился душ, загудел электрический водонагреватель, и Дженни невольно подумала о том, какой, в сущности, интим царит в их маленьком доме: за тонкой перегородкой стоит и намыливается чужой голый мужчина... Ее передернуло. Похожую жизнь ей приходилось вести в психиатрической лечебнице, с одной лишь разницей: тогда она хотя бы знала, как выглядят соседи. Дженни включила плеер, и голос Тори Эймос заглушил звук льющейся в пластиковый поддон воды.

Ничего удивительного в том, что арендаторы встречались крайне редко, не было. В доме имелась общая, крайне непривлекательная для жильцов унылая гостиная, застеленная липким мохнатым ковром. Присядешь на прожженный сигаретами диван и с содроганием ждешь, что к тебе присоединится еще одна заблудшая душа. Говорить не о чем; разве что посмотреть в неловком молчании сериалы «Жители Ист-Энда» или «Чисто английское убийство». Кухня ничем не лучше: обязательная бутылка с прокисшим молоком, забытая на столе кем-то из жильцов, да варочная панель, на которой, похоже, произошло извержение вулкана. Не самые

⁴ Шекспир У. Гамлет, акт 1, сцена 3 (пер. М. Лозинского).

идеальные условия для легкой беседы и знакомства. С другой стороны, для тех, кто не рвется ни с кем общаться, местечко вполне подходящее. Для Дженни уж точно.

Громкий стук в дверь вырвал ее из раздумий. Вздвогнув, она уронила столбик пепла на постель и тут же захлопала ладонью, пытаясь погасить красную искру; тем не менее на пододеяльнике осталась крошечная дырка с черными краями.

– Вот дерьмо!

Дженни бросила окурок в тарелку у кровати и потерла пальцы друг о друга, избавляясь от следов пепла.

– Кто там?

– Это я, Боб.

Дженни щелкнула замком и приоткрыла дверь, не снимая цепочки. Боб неодобрительно нахмурился при виде неожиданного препятствия и уставился ей в лицо.

– Не поздновато ли, Боб, мать твою? Тебе что, делать нечего? Не сидится в пивной с друзьями?

– И тебе доброго вечера.

Дженни скинула цепочку и впустила гостя. Тот выключил музыку и повернулся к стене над кроватью, изучая последние морские пейзажи, словно прогуливался по выставке в Национальной галерее.

– Любопытный мерзавец, – бросила Дженни, сложила бумаги в коробку и убрала ее на столик у окна.

– Неплохие рисунки. Знаешь, тебе следовало поступить в художественную школу.

– Знаешь, у меня в то время были совсем другие занятия, – буркнула она, вытаскивая из жестянки недокуренный бычок.

Боб хмыкнул, вальяжно уселся на металлический стул и отвинтил крышечку извлеченной из кармана серебряистой фляги. Жадно присосался к ней, словно новорожденный ягненок к вымени. Дженни поставила жестянку на книжную полку и сделала еще одну самокрутку.

– Такое вроде только старики курят, – заметил Боб.

– Старики и нищие женщины.

– Ой, не начинай нести этот бред насчет нищеты! Я к тебе благосклонен, и ты прекрасно об этом знаешь. – Вытащив огромный носовой платок, Боб прочистил нос. – Ну и холодина здесь...

– Надо пожаловаться арендодателю, – усмехнулась Дженни.

– Очень смешно. Я же принес тебе обогреватель, забыла?

– Этой штукой и хомячью клетку не обогреешь, – возразила она, ткнув пальцем в маленький калорифер, и нервно затаилась.

Боб остановил на ней внимательный взгляд. Душ за стеной наконец выключили. Жилец, занявший ванную, почистил зубы и воспользовался дезодорантом – слышимость была отличная.

Дженни задолжала за комнату уже за три недели. Карикатуры шли не очень; оставалось лишь надеяться на продажу миниатюр на рождественских ярмарках, до открытия которых еще пара недель.

Боб запустил руку в коробку для обуви и извлек стопку газетных вырезок.

– Не смей...

Не обращая внимания на ее протесты, мужчина откинулся на спинку стула.

– Ты знаешь это место как никто. – Он ткнул пальцем в текст.

– И что? – осведомилась Дженни, обкусывая ноготь на пальце.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить, а не выслушивать всякую чушь насчет дружков в пивной.

– О чем это ты? – Она нервно усмехнулась. – С чего тебя вдруг заинтересовал «Сосновый край»?

Боб сел прямо, сцепив руки на коленях. В тусклом свете комнаты белки его глаз казались желтыми и нездоровыми. Порой Дженни брала дрожь: вдруг он заболит и умрет? Тогда ее вновь ждет улица... Боб махнул в сторону бесчисленных морских пейзажей.

– Ты ведь не собираешься жить в этой конуре вечно? Наверняка хочешь переехать на побережье?

– В Уитби, – выдохнула она название города своей мечты.

– Тогда сегодня – твой счастливый день. Дело в том, что я пытаюсь развивать свою империю недвижимости, но в последнее время уперся в глухую стену – уж извини за каламбур. Мне требуется твоя помощь. – Боб прищурился. – Заодно поправишь свое финансовое состояние. Полагаю, ты не в том положении, чтобы отказываться.

3

Доктор Кавендиш изучила аккуратно разложенные на столе фотографии шести женщин, приезжающих завтра в надежде изменить не только свою внешность, но и саму жизнь. Две подружки поедают мороженое, сидя в полосатых шезлонгах; вызывающе одетая женщина на вечеринке – сравнительно молодая, хотя признаки возраста уже налицо. Одинокая немолодая дама, запечатленная на мостике в Париже: вытянутое лицо, обвисшая кожа. Еще один снимок: девушка вполборота к камере пьет газировку, прислонившись к трейлеру. Команда, прошедшая конкурс...

Ребекка не сомневалась, что программа даст им шанс реализовать свои мечты и надежды, но при одном условии: каждая из женщин должна была должным образом подготовиться и следовать ее плану. Через несколько недель они выйдут из клиники и помогут ей в качестве живой рекламы. За этой группой последуют другие.

Ребекка выдвинула ящик стола и, достав альбом, открыла его на чистой странице. Смазала клеем уголки снимков, приложила их к бумаге и слегка прижала.

Закончив, пролистала альбом и выдернула несколько фотокарточек. Старые снимки легли в ящик стола. Она бесстрастно взирала на лица бывших клиенток, не добившихся поставленной цели. Преждевременно состарившись на несколько лет из-за образа жизни или генетических особенностей, они так и не сумели вернуть себе молодость.

Достав ножницы, доктор Кавендиш быстрыми четкими движениями разрежала фотографии на куски. Не осталось ни лиц, ни фигур, лишь горка искромсанной бумаги. Ключки полетели в мусорную корзину. Доктор откинулась в кресле, положив руки на альбом, и медленно выдохнула. Ее взгляд не отрывался от тускло освещенной стоянки за окном. Ребекка тихо замурлыкала.

Тише, девочка, не плачь...

4

Добро пожаловать на поезд железнодорожной компании «Северный путь». Отправление на Гристоп в 14.20. По пути мы сделаем остановки в Шеффилде, Барнсли, Уэйкфилде, Лидсе и Беттлборо. В пункт назначения состав прибывает ориентировочно в 16.38. В вагоне «С» расположен ресторан, где вы сможете заказать горячие блюда и холодные напитки. Также имеются чипсы и сладости в ассортименте. «Северный путь» приветствует пассажиров первого класса. Вскоре после отправления поезда официанты ресторанной службы предложат вам изысканные горячие блюда и, в качестве комплимента от компании, вино и кофе.

Эми боролась со своим огромным чемоданом, протискиваясь по узкому проходу между креслами, каждое из которых так и норовило зацепить ее пышные бедра. Пластиковый чемодан был набит под завязку, и закрыть его дома удалось с трудом. Опершись о спинку сиденья, она нажала ногой, пытаясь задвинуть багаж в тесное пространство для сумок в конце вагона.

– Простите! – резко окликнули ее сзади, и Эми обернулась.

За ее спиной стояла женщина. Ожидая, когда ей наконец дадут пройти, она вцепилась в подголовник кресла ярко-алыми ногтями, поблескивающими в свете потолочных ламп. Окинув взглядом клетчатую подкладку пальто от «Барберри» и инкрустированные бриллиантами часики, Эми смутилась, покраснела и занервничала еще больше.

– Извините, я просто хотела...

– Могу я пройти или нет?

Эми пихнула чемодан в последний раз, намертво втиснув его в узкое пространство между двумя сумками, и все же он высовывался в проход на целый фут. Она шагнула к туалетам, освободив место для женщины, от которой сладко пахло духами с ароматом миндаля и апельсина. Дама неодобрительно щелкнула языком, лавируя со своим элегантным черным чемоданчиком в устроенном Эми заторе.

В кабинке туалета щелкнула задвижка, и дверца распахнулась, ударив Эми по локтю. Сладкие ароматы немедленно сменились крепким запахом хлорки и мочи. Из туалета, на ходу застегивая ширинку, выбрался футбольный фанат. Парень даже не извинился, словно Эми и не было в тамбуре. Обернувшись, она глянула на свое отражение в зеркале и встревоженно шагнула в кабинку.

Ее щеки и шея были багрово-красными, тщательно наложенный с утра макияж потек, и под ним проглядывала бледная рыхлая кожа. Перед выездом она забрала волосы в аккуратный хвост, но теперь несколько прядей выбились из-под резинки и прилипли к потному лицу. Эми заправила непослушные волосы за уши и вытянула бумажное полотенце. Смочив его в раковине, протерла лицо, стараясь задержать дыхание – так здесь воняло.

Уфф... холодная вода освежила кожу.

Она едва успела на поезд. Автобусная остановка находилась в двух милях от вокзала, и это расстояние Эми преодолела бегом. Слава богу, чемодан пережил пробежку по пересеченной местности... Щиколотки ее были забрызганы грязью из придорожных луж.

Сегодня Эми надела черные легинсы. Разумеется, эластичный материал растянулся и бесстыдно просвечивал на могучих бедрах, хотя производитель клялся, что подобного не случится ни в коем разе. Поверх она накинула бесформенное цветастое платье длиной почти до колена. Главное – прикрыть задницу. Если же платье не поможет, на помощь придет мешковатый кардиган, достигавший лодыжек. Балетки тоже растянулись, так что узкая подошва не слишком защищала ее ступни. Низкие бортики выгнулись наружу, и Эми ощущала через них каждый выступ и камешек на полу вагона.

Никто не говорил, что она страдает ожирением, и все же Эми могла рассчитать свой идеальный вес по журнальным статьям, воспринимая каждый лишний фунт как провал. Сейчас таких фунтов было двадцать четыре. Будь она человеком известным, газеты пели бы дифирамбы ее роскошным формам. Увы, знаменитой Эми не была, поэтому чувствовала себя просто толстухой. Стандартные советы не помогали, и единственным способом сбросить вес оставалась клиника «К прекрасной себе». Домой надо вернуться в шикарной форме.

Эми вжала голову в плечи, и у отражения в зеркале немедленно появился второй подбородок. В дверь туалета тихонько постучали. «Господи, неужели кто-то видел, с каким ужасом я себя рассматриваю...»

В тамбуре стояла мамаша с маленькой девочкой. Ребенок подскакивал вверх-вниз, словно резиновый мяч, зажав руки между плотно сдвинутых тонких ножек. Мать робко улыбнулась.

– Прошу вас, я уже закончила, – выдохнула Эми, выбросив комок мокрой бумаги в мусорную корзину.

Девочка прошмыгнула мимо, на ходу задирая юбку, и Эми вышла из тамбура. Сзади раздался щелчок замка.

Продвигаясь по вагону, она искала свободное кресло, стараясь не задевать выставленные в узкий проход локти и ноги. Пассажиры искоса поглядывали на нее, не желая освобождать место. Некоторые просто закрывали глаза, делая вид, что спят, раскинувшись на двух сиденьях. Места были, но на них стояли сумки: вроде как тут кто-то сидит, просто на минутку отлучился.

– Простите, здесь не занято?

Бизнесмен в левом ряду не заметил ее приближения, потому и не успел защитить свободное кресло. Эми застала его врасплох. Мужчина поднял взгляд, и его лицо разочарованно вытянулось. Делать нечего, придется убрать чемоданчик, стоящий на соседнем сиденье... Он неохотно освободил место, поставив багаж себе под ноги, и собрал в аккуратную кучку разбросанные по столику документы. Эми уселась, случайно задев бедром его ногу, и бизнесмен подобрал ее под свое сиденье, с тяжелым вздохом опустив подлокотник.

– Извините, – пробормотала зажатая подлокотником Эми, хотя еще вопрос – кому следовало извиняться.

Сидящая напротив хмурая молодая мама изо всех сил старалась успокоить оравшего благим матом мальчика. Предложенную ему коробку с карандашами ребенок немедленно швырнул в сторону, и по проходу покатались красные и желтые восковые палочки.

– Парню нужна хорошая трепка, – буркнул немолодой мужчина с другой стороны, обращаясь к соседу. – С самого Дерби слушаю этот концерт.

Раздраженное лицо мамы тут же перекопилось от злости. Наклонившись к соседу, она прошипела:

– Да пошел ты, старая скотина!

Пожилый пассажир поджал губы и, негодуя скрестив на груди руки, глянул на попутчика в поисках поддержки, однако тот укрылся за спортивной газетой.

Эми поставила сумочку на пол, достала полотняную косметичку и растянула ее на столике. Нащупала внутри упаковку чипсов, купленную на вокзале, и рекламный буклет клиники «К прекрасной себе». Развернув его на коленях, сунула в рот сырную слойку и принялась за чтение, не забывая закусывать чипсами.

«Бев попала в замкнутый круг: испытывая жуткое расстройство от лишнего веса, она заедала и запивала стресс. Теряла несколько фунтов, посидев на модных диетах, а затем набирала их снова. Не находя себе места от одиночества, ожирения и нездоровой сухости кожи, Бев наконец решилась воспользоваться представившимся шансом и забронировала место участника в программе клиники «К прекрасной себе». Через месяц она сбросила два стоуна⁵ и могла похвастаться гладкой, словно у юной девушки, кожей. Теперь Бев носит джинсы десятого размера и бежит на местную дискотеку, где рассчитывает встретить сказочного принца!»

Под рекламной статьей было размещено фото участницы программы, выпятившей в объектив камеры аппетитную попку. Повернув голову, женщина соблазнительно смотрела на фотографа. Эми продолжила чтение:

«Дебби полагала, что любви в ее жизни больше не случится. Да и как можно найти мужчину своей мечты, если не можешь избавиться от ночных кошмаров... Всего два месяца

⁵ Стоун – британская мера массы, около 6,35 кг.

пребывания в клинике «К прекрасной себе», и Дебби уже рассказывает, что не только начала новую жизнь, но и обрела любовь. Можно ли считать лишним весом бриллиант в два карата на обручальном кольце? Если да, то он у Дебби есть!

Воспользуйся нашей программой, основанной на лучших диетических тенденциях, и будешь выглядеть на все сто!»

Эми боялась подумать, в какую сумму обошелся подобный подарок ее мамочке и отчиму. Месяц пребывания в клинике «К прекрасной себе», уплаченные деньги возврату не подлежат... Мать отменила летнюю поездку в Бридлингтон. А чего стоило организовать Эми длительный отпуск на кондитерской фабрике, где она работала! Слава богу, что у отчима сохранились там кое-какие связи.

Она съела последнюю сырную слойку и пролиставла буклет до конца в поисках хотя бы намека на волшебную программу, которая позволит ей преобразить свою жизнь. К сожалению, нашелся только маршрут проезда да список необходимых вещей. Был еще один перечень, поменьше, касающийся того, что следовало оставить дома: еду, напитки и мобильный телефон. Имелся и номер, по которому члены семьи клиента могли позвонить в экстренном случае. Получалось, что на целый месяц Эми будет практически отрезана от жизни, и все для того, чтобы сосредоточиться на одной мысли: «К прекрасной себе».

– Туда едете? – поинтересовалась молодая мать.

– Что?

Та указала на брошюру. Эми глянула на обложку и, залившись краской, быстро спрятала буклетик в сумку.

– Да, на пару недель. Что-нибудь слышали об этой клинике?

Мать потрепала ребенка по взъерошенным волосам и пригладила вихор на его вспотевшем лбу.

– В Гристорпе о ней все наслышаны. Знаю одно – оттуда лучше держаться подальше.

Она выглянула в окно, прижав малыша к груди.

Мужчины, сидевшие с другой стороны прохода, дружно покачали головами и отвернулись. Эми, невольно вздрогнув, втиснулась глубже в свое кресло. Ей было беспокойно.

* * *

Наконец поезд остановился в Йорке, и бизнесмен коснулся ее руки.

– Вы позволите?

Он уже сложил в кожаный портфель ручки и документы и выжидающе навис над Эми. Поднявшись, она шагнула в проход и случайно толкнула мужчину с кресла напротив – тот тоже ехал до Йорка. Пассажиры заспешили, устроив сутолоку в проходе, и наконец один за другим вышли на перрон.

Вновь заняв свое место, Эми обнаружила, что вагон практически пуст. В дальнем его конце сидела тревожно поглядывавшая в окошко пожилая женщина, нервно перебирая металлические ручки сумки. Рядом с ней читал комиксы приземистый молодой человек в полудетской куртке с капюшоном. Коротышка гримасничал и ухмылялся, следя за приключениями супергероя.

Чем дальше состав удалялся от бывшей столицы, тем более серый оттенок приобретало небо, словно наверху кто-то подкрутил ручку регулятора света. Город плавно перешел в предместья. Там и сям стояли домики с верандами и натянутыми во дворах бельевыми веревками, в садиках валялись забытые детские игрушки; над крышами коттеджей высились здания торговых комплексов.

Вскоре признаки человеческой жизни пропали, и поезд углубился в тяжелые туманы йоркширских болот. Вялые кустики вереска ежились под дождем посреди зарослей желтой травы. Слегка оживила унылый пейзаж одинокая птица, парившая в пелене дождя. Наконец исчезла и она.

Малыш напротив Эми отпустил материнскую куртку, за которую цеплялся от самого Йорка, и вновь заголосил. Молодая мать усадила его на соседнее сиденье и начала собирать вещи, которые ребенок еще не успел выкинуть в проход. Набив рюкзак, она забросила его за спину и подхватила воющего ребенка. Тот немедленно закрутился ужом, пытаясь вырваться.

Эми, поднявшись, застегнула сумку. Поезд подходил к вокзалу, и ей стало невозможно слушать истерический плач малыша. Хотелось поскорее спрыгнуть на платформу. Повесив сумку на плечо, она двинулась к выходу, но не успела сделать и шага, как взгляд ее упал на заляпанную кофейными пятнами местную газету на соседнем столике.

«Пропала еще одна женщина».

Сойдя с поезда, Эми в спешке пробежала через вокзал, и тяжелая стеклянная дверь, наподдав напоследок под зад, вытолкнула ее на унылого вида главную улицу Гросторпа. Указания по заезду в клинику были записаны на мятом клочке бумаги, и Эми, еще раз подсмотрев в него, заметила на противоположной стороне улицы белый микроавтобус, припаркованный на пустой стоянке такси. Водитель стоял рядом, опершись о забор, и курил, почитывая газету. Эми припустила через дорогу, не заметив проезжающую машину, и та, взвизгнув тормозами, остановилась прямо перед ней.

– Эй, толстуха, смотри на дорогу! – крикнул из автомобиля парнишка с обесцвеченными волосами, обращаясь к инстинктивно вытянувшей руки вперед Эми.

На его проколотой брови блеснула сережка. В салоне машины всю грохотала музыка, почти заглушившая голос водителя.

Покрасневшая Эми тронулась дальше, на сей раз внимательно посмотрев в обе стороны, а машина тем временем сорвалась с места и исчезла вдаль. Пропотев от унижения под шерстяным кардиганом, Эми остановилась перед шофером микроавтобуса. Тот поднял глаза от своей «Рейсинг пост» и выбросил недокурную сигарету в заваленный мусором кустарник у обочины. На кармане его клетчатой ковбойской рубахи красовался именной бейджик: *Глен*.

– Направляетесь в «К прекрасной себе»? – спросил он, протянув руку.

Эми энергично ответила на рукопожатие, однако водитель высвободил вялую ладонь из ее захвата, буркнув:

– Вообще-то я просто хотел подсобить вам с багажом. – Он посмотрел на руку Эми и заглянул ей за спину. – Путешествуете налегке, а?

Она обернулась и уставилась на перрон вокзала. Поезд только что отошел, увозя ее чемодан.

5

Дженни шла вдоль дороги с наушниками в ушах, наслаждаясь треком «Очаровательный» в исполнении группы «Смитс». Темные круги под глазами с трудом удалось замаскировать слоем тонального крема, выжатого из древнего тюбика. Она нашла его под кроватью, в коробке с остатками косметики. Беспокойный сон пришел только под утро, и то ненадолго. В голове крутилось предложение Боба. Похоже, ее мечты сбываются, хотя ради них придется вновь окунуться в давний кошмар.

Дженни не хранила почти ни одного свидетельства своей жизни за последние двадцать семь лет – об этом говорили и развешанные на стенах фотографии. Она до сих пор выглядела как девчонка, особенно в красном макинтоше, черной джинсовой мини-юбке и привычных тяжелых ботинках «Док Мартенс».

Общество анонимных алкоголиков преподавало ей урок на всю жизнь: стоит прибегнуть к спиртному для облегчения душевной боли, и время для тебя останавливается. Так и вышло. Дженни надолго застряла в подростковом возрасте, когда у тебя есть единственный императив: «Защищай себя, чем только можешь». Завязав с алкоголем, через два года она научилась смотреть в лицо трудностям, не погружаясь во временное забытие, которое несла с собой выпивка.

В глубине души Дженни ощущала гордость – ведь именно ей Боб доверил важное задание: проникнуть в здание бывшей психиатрической лечебницы и сфотографировать те его недостатки, которые могли представлять опасность для посетителей. Фотоматериалов будет достаточно, чтобы создать ажиотаж в инспекциях по здравоохранению и безопасности труда. Было еще одно пожелание: порыться в документации и выяснить, как доктору Кавендиш удалось заключить контракт, обойдя на повороте Боба. Тот не находил себе места, поскольку его бесцеремонно вышвырнули из проекта.

Немного осталось людей, которые знали бы «Сосновый край» как свои пять пальцев. Дженни знала. Помнила путаницу коридоров и комнат; некоторые из них реставрировали, иные же так и остались мрачным готическим лабиринтом. Многие пациенты смылись из Гристорпа после закрытия лечебницы – не вынесли подозрительных взглядов и насмешек. Дженни была упряма и слишком бедна, чтобы позволить себе уехать. Возможно – более адекватна, чем многие из бывших обитателей «Соснового края».

После краха лечебницы Боб задумал сделать в ее здании своего рода недорогой реабилитационный центр для выброшенных на улицу пациентов. Дженни он подобрал с удовольствием и позволил ей встать на ноги. Прошло пять лет, и она осталась в его доме единственной из тех, кто вышел из психушки. Сумма, предложенная Бобом, позволит погасить долг по арендной плате; ее хватит на билет до Уитби, первый взнос за жилье и на многое другое. Он здорово расщедрился. Должно быть, дошел до точки. С другой стороны, Дженни предполагала, что Боб питал к ней нежную привязанность – всегда был добр, что бы ни случилось.

У нее имелось два дня на раздумья. Дальше придется искать деньги на оплату за комнату, и, если она не придумает, где снять другую квартиру, здесь ей бесплатно жить не удастся.

Дженни подумала о родительском коттедже, и горло сжало спазмом. В голове замелькали воспоминания о последнем коротком и суматошном свидании с матерью. С того дня Дженни дважды едва не оказывалась на улице. Однажды провела три дня впроголодь, с прохудившимся ботинком; на дворе, между прочим, была зима. И все же унижаться не стала. Домой она так и не вернулась – из гордости и из страха. В «Сосновый край» Дженни боялась возвращаться еще больше, и все же предложение Боба стало для нее наилучшим выходом.

Прикрыв за собой железную калитку, Дженни бросила взгляд на дом и невольно стиснула в кармане жестяную коробку. Расслабила пальцы: от ворот до входа в коттедж сигарету выкурить все равно не успеешь. Она переступала с одной цветной плитки на другую, избегая ставить ногу на поперечные цементные швы, как делала в детстве. В этой игре ей не было равных, вот только от несчастий ловкость ее не уберегла.

Дженни нажала на кнопку дверного звонка, и внутри раздался перезвон вестминстерских колоколов. В матовом окошечке мелькнул размытый силуэт. Кто-то вышел с кухни и не торопясь приближался к двери. Она не услышала ни щелчка замка, ни звона снимаемой цепочки – просто повернулась ручка, и дверь распахнули изнутри.

Опаска сменилась растерянностью. Перед ней стояла девушка. Что за смутное ощущение? Словно нашла в пакете из супермаркета то, чего вроде бы и не покупала. Юная девчонка – даже двадцати еще нет. Густые золотистые волосы собраны в свободный пучок наверху, яркие голубые глаза... На девушке были мешковатые брюки маскировочной окраски и безразмерное худи с капюшоном. В ушах покачивались серебряные серьги в виде колец. Знакомые черты... Мамина форма глаз, высокие, как у отца, скулы.

– Ты, наверное, Клара? Мы с тобой незнакомы, но...

Ее голос прервался.

– Дженни?

– Разве ты меня помнишь?

– Тебя забудешь, – улыбнулась Клара, вздернув брови.

Господи, как унижительно... У Дженни внутри все перевернулось.

– Ну да...

– Проходи.

Дженни впала в замешательство от доброжелательности Клары и той легкости, с которой ее пригласили в дом. Младшая сестра придержала дверь, и Дженни бочком протиснулась в прихожую, вдохнув запах духов с ароматом кокоса и ванили. Они прошли в гостиную.

– Мама только что выскочила в магазин, скоро вернется. Ты ведь ее хотела повидать?

Дженни кивнула, озираясь в уютной комнате. Чужой комнате... Белый камин, огороженный латунной решеткой. Стоит щелкнуть выключателем, и декоративный уголь покраснеет, наполнив гостиную теплом. В эркере стоит пианино, на пюпитре – ноты, скрепленные маленькими металлическими зажимами.

– Играть умеешь? – поинтересовалась сестра, и Дженни, невольно сморщившись, покачала головой.

– Она ведь наверняка тебя учила? Меня посадили за нотную грамоту, когда я еще толком говорить не умела.

– И что, освоила? – спросила Дженни.

Клара помолчала, словно почувствовав, что невольно уязвила сестру.

– Ну, самые основы. Примитивные произведения более-менее сыграю.

Дженни ощутила укол зависти, глянув на тонкие пальчики Клары. Для пианино – в самый раз. Родители воспользовались своим шансом вырастить хорошую младшую дочь, раз старшая никуда не годится.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась девушка.

– Я художница. Ну, типа того. Рисую глупые карикатуры, иногда что-то продаю на ярмарках искусств. Не бог весть.

– Мама с папой никогда не упоминали о твоих достижениях.

– Вряд ли они тебе вообще что-то обо мне рассказывали.

Дженни бросила взгляд на стены гостиной. Сплошь семейные фото: каникулы, школьные постановки, церемонии награждения и круглые столы у отца на работе, в совете города. Она быстро пробежалась по снимкам. Так и есть. Радостные фотографии, лучащиеся счастливыми улыбками, только ее нет ни на одной. Семья вычеркнула старшую дочь из своей жизни.

– Так, чуть-чуть.

– Что?

– Немножко рассказывали. Говорили, что с тобой не все в порядке, что тебе требовался особый уход. Наверное, просто не хотели вторгаться в твои личные дела, потому и помалкивали. Я ведь была совсем маленькой, когда ты жила... в том месте, вот родители и не желали меня пугать.

Дженни до крови закусил губу, подавив горькую усмешку.

– Плохо, что мама не сообщила тебе о похоронах папы. Он ведь и твой отец...

Сестра махнула рукой в сторону дивана, но Дженни покачала головой. Не хотела утонуть в белоснежном уюте, не собиралась оставаться здесь надолго. Ей бы увидеть мать, обсудить кое-что, а потом – прочь отсюда, покурить с тоски.

В серебристой клетке в углу комнаты зашевелился волнистый попугайчик, заскреб коготками по застеленному бумагой дну.

– Знаешь, папа о тебе заговаривал не раз, особенно когда немного выпьет. Дождался, пока мама выйдет из комнаты. По-моему, он скучал по тебе, Дженни.

– Не знаешь, когда она вернется? Дело в том, что я немного...

– Он рассказал мне о твоём ребенке, – перебила ее Клара. – Ну, то есть начал рассказывать, а потом она... мама вернулась в гостиную. Слушай, мне правда жаль; наверное, это было ужасно...

У Дженни заколотилось сердце. Она машинально дотронулась до голубого сердечка на бусах, приобретенных за десятку в антикварном магазине, как будто искала в холодном камне волшебную силу.

– Даже не знаю, как ты это...

– Знаешь, мне пора. Сама не понимаю, зачем пришла. Приятно было тебя повидать. Видишь, я сегодня трезвая, – улыбнулась Дженни, повернувшись к выходу. – Не говори ей, что я приходила. Так, заглянула по ошибке.

Положив ладонь на ручку двери, она отпрянула: дверь открыли снаружи. Мать округлила глаза, переводя их с одной дочери на другую.

– И что ты здесь делаешь? – резко спросила она.

– Я уже ухожу.

– Мам, Дженни просто заглянула, чтобы...

– Клара, выйди на кухню!

– Но, мам...

– Немедленно!

Дженни, бросив взгляд на Клару, решила, что на младшую дочь мама голос повышала нечасто. Счастливая девочка, любимица... Клара обиженно выскочила из комнаты, и мать, захлопнув дверь, прищурилась. На потолке тихо звякнула подвесками маленькая люстра.

На матери было плотное шерстяное пальто. Ее слегка поседевшие каштановые волосы падали на воротник из искусственного меха. Грудь мамы гневно вздымалась; она со свистом втягивала пропитанный искусственными ароматизаторами воздух.

– Дженни, что тебе нужно?

Радушного приема она не ожидала, и все же...

– Да, спасибо, ма. У меня все в порядке, а ты как?

– Прекрати паясничать!

Мать выплевывала слова, словно во рту у нее перекатывалась горькая пилюля. Дженни сжала кулаки так, что коротко подстриженные ногти впились в ладони.

– Мне жаль папу. Я...

Она перевела дух. Что сказать? «Я напилась с горя, я была в шоке, вне себя от горя»? Хотя что это изменит...

– Мне не следовало приходиться на похороны в таком состоянии. Прости.

– Я специально не стала сообщать тебе о его смерти. Ты просто не умеешь себя вести! Не дала нормально похоронить отца! – процедила побагровевшая мать, буравя дочь тяжелым взглядом.

– Ни за что не появилась бы в таком виде, но ведь ты не дала мне возможности проститься с ним по-людски, – старательно смягчив тон, произнесла Дженни.

– Знала, что тебе нельзя доверять! Говорила миссис Доусон, что от тебя толку уже не будет...

– Господи, мама! Я ведь не сломанный тостер! Я твоя дочь! Твоя дочь, слышишь?

Мать со всхлипом вздохнула. Сузив глаза, оглядела Дженни с головы до пят.

– Зачем ты пришла?

– Мне сейчас нечем заплатить за аренду. Если бы ты...

Мать покачала головой и пронзительно засмеялась.

– Так я и думала! На что ты тратишь деньги, если не платишь за квартиру? Все уходит на выпивку или наркотики?

В груди у Дженни словно щелкнул переключатель, к сердцу подкатила горячая волна. Зажмурившись, она попыталась представить себя на кушетке у психотерапевта.

Спокойно. Вдох, выдох...

– Я пришла в себя только через несколько месяцев, – снова заговорила мать. – Не хватало мне смерти мужа, так тут еще и ты выскочила на его могилу с таким воем, будто в тебя нечистая сила вселилась! Какое унижение...

– Я была не в себе, я...

– Да ну? Что еще скажешь? – воскликнула раскрасневшаяся мать, выплевывая слова в сторону дочери. – Ах, разумеется! Ты ведь что-то кричала про ужасную мать. Нет, не кричала – визжала. Злобная – так ты меня назвала? Кажется, после этого ты начала расшвыривать венки на гробе отца?

Дженни вздрогнула. Еще немного, и ее вырвет от стыда прямо в гостиной.

– В твоём выступлении был единственный положительный момент: как только ты прекратила бесноваться, все присутствующие на похоронах осознали, что просто так людей в дурдом не отправляют.

О смерти отца Дженни узнала в пабе от парня, которому отсосала в сортире за кружку пива и пачку сигарет. Новости он выложил на ходу, застегивая ширинку. Дженни позвонила в единственную ритуальную контору в городке, и там подтвердили: это правда. Даже назвали дату и время похорон.

О событиях того дня ей стало известно по рассказам друзей семьи и из полицейского рапорта. В пьяном угаре скорбящая Дженни устроила такой спектакль, что полиция была вынуждена вынести ей предупреждение и продержать до утра в камере участка. Очухалась она на следующий день с больной головой и гудящим телом, всю ночь проспав на твердой, как камень, лежанке под жутким сквозняком. В душе царил такая пустота, что Дженни решила: пришел и ее смертный час. Первым побуждением было приложиться к бутылке вина, стоявшей дома в холодильнике. Потом в голову пришла вторая мысль, которая, вероятно, ее и спасла. Она открыла телефонный справочник и нашла номер местного общества анонимных алкоголиков. В тот день Дженни достигла дна. Перед ней стоял выбор: вернуться к прежней жизни или решительно с ней порвать.

– Думаешь, если немного передо мной потанцевать, тебе все простится? Нет, дорогая, в реальной жизни так не бывает.

– Ты же знаешь, что я потеряла...

– Хватит об этом талдычить! – раздраженно перебила мать. – Надо было поставить точку и двигаться дальше.

– Это был мой ребенок!

Мать набрала в легкие воздуха, однако передумала и промолчала.

– Мне требовалась твоя помощь, я была одна в этой... в этой тюрьме.

– Дженни, ты тогда полностью утратила над собой контроль. Мы с отцом тебе ничем помочь не могли. Тебя отправили в лечебницу для твоего же блага. Что значит «тюрьма»? «Сосновый край» был хорошей клиникой. И не наша вина, что ты сознательно превратила ее в свой собственный ад.

– Как вы могли меня там бросить? Ты не представляешь, каково было в этой психушке, ведь вы меня ни разу толком не навестили. Меня ширяли транквилизаторами, били электрошоком, позорили на чем свет стоит, а за что? За то, что я разок напилась в парке? За то, что стянула в «Вулворте» дурацкую коробку со сладостями?

– Мы были для тебя прекрасными родителями. Я и сейчас хорошая мать. – Она кивнула в сторону кухни. – И доказать я это смогла, лишь родив по-настоящему достойную дочь.

– Хорошие матери ведут себя по-другому... – дрожащим голосом сказала Дженни, утирая слезы. – Хорошие матери не оставляют свое дитя, что бы ни случилось. А ты плюнула на меня, сдалась...

Распахнув дверь, мать отступила в сторону.

– Убирайся отсюда! Как тебя вообще выпустили из психушки!

Дженни завернулась в пальто и выскочила из гостиной. Оказавшись в коридоре, заметила выглядывающую из кухни Клару. Сестра грустно улыбнулась, и Дженни вылетела из дома, изо всех сил хлопнув дверью. Развешенные на стенах застекленные снимки идиллической семьи печально задрезбжали.

6

Доктор Кавендиш подровняла на краю стола стопку документов по вновь прибывающим участницам программы. И так...

Бумаг было немного: анкета и единственная фотография, которую клиника требовала в обязательном порядке. В редких случаях – когда Ребекка сомневалась, стоит ли женщине проходить предлагаемый курс, – претендентке звонили. Впрочем, в основном она полагалась на свою отточенную интуицию. Сегодня доктор Кавендиш надеялась, что шестое чувство ее не подвело, как это порой случалось. Провал не нужен ни клинике, ни клиенту.

Она перевела взгляд на сверкающий хрустальный стакан с водой, подле которого лежала горка разноцветных пилюль. Аккуратно зажав первую из них между большим и указательным пальцами, Ребекка проглотила ее, запив маленьким глотком воды. За первой пилюлей последовали остальные.

В выдвинутом ящике роскошного деревянного стола ее ждала потрепанная пухлая папка, содержащая досье на бывших пациентов психиатрической клиники. Здание перешло из рук в руки, а документы, как ни странно, оказались никому не нужны. Организационно-распорядительный порядок явно был не самой сильной стороной городского совета.

Коллеги доктора Кавендиш расслаблялись по-разному: кто-то играл в гольф, кто-то собирал пазлы, Ребекка же отключалась от текущих дел, зачитываясь историями болезни душевнобольных. Для нее подобный анализ стал не только отдыхом, но еще и интереснейшим занятием, позволявшим расширить профессиональные знания. Перед ее глазами разворачивались людские жизни; прошлое «Соснового края» будоражило воображение, наталкивая Ребекку на полезные мысли об организации процесса в собственной клинике.

Потертая папка с глухим стуком легла на стол. Доктор Кавендиш откинула обложку и, забыв обо всем, погрузилась в чтение топорщившихся под зажимами документов.

7

Отчет о госпитализации:

Дженни Паттон, 21 ноября 1975 года

Пациентка доставлена в подростковое отделение в 22.00 предыдущего дня по направлению социальной службы Гристорпа после соответствующего обращения родителей, озабоченных, с их слов, «психологическим состоянием» дочери. Дженни Паттон была задержана в парке в компании нескольких приятелей. Отмечены признаки алкогольного, а также наркотического

(по всей видимости – марихуана) опьянения. Пациентка находилась в состоянии повышенного возбуждения, угрожала полисменам физическим насилием. Тем не менее, учитывая возраст (15 лет) и хрупкое телосложение, полиция не придавала угрозам значения. В итоге пациентку удалось успокоить и получить от нее согласие на перемещение в психиатрическую лечебницу «Сосновый край» в сопровождении работника социальной службы (миссис Хокер).

По прибытии помещена в палату «Андертон». Внешних признаков опьянения при госпитализации уже не имелось, однако анализ крови показал повышенный уровень содержания алкоголя, а также следы употребления марихуаны. С утра пациентка находится в здравом уме, спокойна. Тем не менее принято решение оставить ее в палате с последующим визитом врача в течение дня. Предварительное мнение: поведение пациентки более всего соответствует состоянию подросткового бунта и иррационального страха. Рассматривается возможность выписки во второй половине дня с последующей передачей родителям.

В настоящее время пациентка находится под наблюдением смотрительницы Доусон.

*Клинический психолог доктор Кан
21 ноября 1975 г.*

8

Эми оставила хмурому служащему вокзала адрес клиники, хотя особой надежды на возврат чемодана тот не выразил. Разжившись уклончивым обещанием прислать багаж, когда (и если) тот найдется, она под проливным дождем вернулась к микроавтобусу, ожидавшему ее с работающим двигателем. Глен помог ей забраться внутрь.

– Привет, черепашка! – воскликнула подстриженная ежиком женщина, как только промокшая Эми поставила ногу на верхнюю ступеньку.

Она запнулась: не ожидала, что в салоне будут другие пассажиры. Была так обескуражена утратой чемодана, что совсем забыла о том, что придется знакомиться с другими участницами программы. Уже ведь большая девочка, однако любое предстоящее событие – словно первый день в новой школе, когда с завистью смотришь на недосягаемых звезд и думаешь, как бы с ними поладить.

– Простите ради бога! Привет! – сказала Эми женщине с ежиком и по очереди кивнула каждой из четырех остальных пассажирок.

– Итак, дамы, мы готовы? – улыбнулся в салонное зеркало Глен, показав россыпь неровных зубов.

Двигатель автобуса взревел, и по ветровому стеклу, сметая струи дождевой воды, прошились огромные «дворники».

Эми пробралась к задним рядам и села, поставив сумку на соседнее кресло. Глен вставил в магнитолау кассету, и звонкий женский голос запел о ковбое, разбившем сердце своей любимой. Пассажирам пришлось ухватиться за поручни, когда микроавтобус резко вырулил со стоянки на главную дорогу.

– Надеюсь, все плотно поели напоследок? – бросил через плечо водитель. – Я слышал, что на холме вам ничего, кроме цветочной пыльцы, не светит.

– Я отлично поужинала вчера в китайском ресторане, – доверительно призналась в своих грехах огненно-рыжая женщина, наклонившись к Эми. – Фаршированные блинчики, рис и жареная утка...

Они обменялись рукопожатием.

– Я – Гейнор.

– Очень приятно. Эми.

Новая знакомая выглядела лет на сорок с небольшим. Зеленые, словно у кошки, глаза, полные губы, накрашенные красной помадой, светлые веснушки. От уголков рта шли резкие складки – видимо, улыбалась Гейнор часто.

– Страшновато, правда? – возбужденно, словно девчонка, сказала она.

Эми ответила улыбкой. Слава богу, сразу удалось найти подругу. В подобных испытаниях это просто необходимо. Все легче, когда ты не одна.

Водитель остановил автобус у обочины, не глуша мотор, и пассажирки выглянули в окошко.

– Уже приехали? – спросила кислотица женщина лет шестидесяти.

– Это местечко, куда вам захочется после месяца на капустном бульоне с масками для лица на закуску. Мой собственный ресторанчик, единственный в своем роде. Добро пожаловать в «Неспешную трапезу»!

Эми протерла запотевшее стекло и бросила взгляд на заведение с серенькими сетчатыми занавесками, скрывавшими нижнюю часть большого окна. Надпись «Неспешная трапеза» шла поверх небрежно покрашенной вывески, оставшейся от прежних владельцев, и на белом фоне проступали призрачные следы старого названия.

– Бургеры, хот-доги и жареная картошка, как в старой доброй Америке! – продолжил рекламу Глен, подражая тexasским ковбоям, хотя в его речи явственно слышался йоркширский акцент.

У Эми заурчало в животе.

– Трогайтесь, искуситель, – вздохнула женщина с ежиком, помахав мелькнувшей в окне немолодой официантке в мятой ковбойской шляпе.

– Жирная пища и соль вредны для кожи, – пробурчала кислотица дама.

Глен, включив поворотник, выехал на дорогу, и Эми обратила внимание на переходящую на другую сторону черноволосую женщину в красном макинтоше. Брюнетка затянулась тонкой сигареткой и вызывающе выпустила в воздух струйку дыма. Прямо актриса из французского фильма, ни дать ни взять... Глен нажал на клаксон и раздраженно махнул рукой. «Француженка», обернувшись на звук, показала ему средний палец и исчезла за углом.

– Дружелюбный здесь народец, а? – загоготала на весь автобус Гейнор, и водитель вздохнул:

– Вас приветствуют пациентки дурдома...

– Что вы имеете в виду? – подавшись вперед, спросила соседка Эми.

Микроавтобус свернул с главной дороги в переулок и проехал мимо указателя на промышленную зону.

– Вы ведь слышали об истории клиники «К прекрасной себе»? – ответил Глен, приглушив музыку.

Все шесть пассажирок взяли за поручни, внимая каждому слову водителя, и тот, бросив мрачный взгляд в салонное зеркало, выдержал драматическую паузу, прежде чем начать рассказ.

– Ну, там, где находится клиника, раньше был сумасшедший дом. Туда привозили психов со всего Йоркшира. Лечебницу построили на холме еще в викторианские времена. Красивое здание! Ну, то есть снаружи красивое, а вот что там внутри... Разное говорят.

Он громко вздохнул, покачав головой. Женщина, сидевшая рядом с «ежиком», метнула на соседку тяжелый взгляд.

– Да я первый раз об этом слышу! – возмутилась та.

– Пятьдесят лет назад, – продолжил Глен, – в городке было не протолкнуться. Медицинский персонал сновал туда-сюда, от пациентов дурдома рябило в глазах – те иногда сбегали из лечебницы, устраивали шабаши в парке... Мой ресторанчик тогда процветал, работал днем и

ночью. Я просто с ног сбивался. Потом злые языки начали болтать, что в «Сосновом крае» не все ладно, и лечебница по милости правительства приказала долго жить.

Они ехали мимо заброшенного производственного комплекса с разбитыми окнами, стены которого уже зарастали сорняками. На затопленной дождем стоянке виднелся остов обгоревшего автомобиля и валялась перевернутая тележка. Других признаков жизни пассажиры не заметили.

– Психушка? – пробормотала Эми.

– Ну, так теперь никто не говорит, – заметил Глен. – Это ведь неpolitкорректно, да? Теперь говорят «учреждение». Только как ни назови, суть-то не меняется, да? Какие тут ходят истории, мама дорогая... Ручаюсь, кошмары будут преследовать вас всю жизнь.

– Вы знали? – Эми вытаращилась на новую подругу.

– Откуда? – Та возбужденно хихикнула. – В любом случае мне нравится эта история. Обожаю фильмы о привидениях и прочей нечисти, а ты?

Эми покачала головой и вновь прислушалась к рассказу водителя.

– Говорили, что там было семь убийств, а уж тех, кто покончил с собой, – вообще не счесть, и это только официальная информация. Несколько лет назад приезжала съемочная группа какой-то телевизионной программы. Не помню, как называется. Там еще такая кудрявая ведущая...

– «Мир потустороннего»? – предположила «ежик».

– Да, точно! Господи, вы бы видели, что они тут снимали по ночам! Особенно на кладбище...

Кислолицая женщина отлипла от окна и, щелкая четками, переспросила:

– На кладбище?

– Ну да, на окраине есть погост для нищих. Мертвых психов надо же было где-то хоронить, да? Несчастные придурки... Родственники плевать на них хотели, никому останки шизиков не нужны, вот их и бросали в братские могилы. Складывали в кучу, будто старые ботинки. Я вот жене сказал – если помру...

– Прекратите! – перебил водителя дрожащий голос с заднего ряда. – Пожалуйста, прекратите! Вы меня пугаете...

Все дружно обернулись к молодой пассажирке. Глен, вздохнув, уставился на дорогу и нашел на радио заунывное кантри. Эми сочувственно и в то же время благодарно улыбнулась девушке.

– Я Эми.

– А я – Жасмин, – слегка покраснев, ответила та. – Не собиралась истерить, просто...

– Тоже первый раз слышу эту историю, но надеюсь, что сейчас там все переменилось.

– Меня зовут Кэролайн, а это – Вики; мы из Ньюкасла, – повернулась к ним женщина с ежиком.

Ее соседка тоже села вполоборота и дружески помахала остальным.

Кэролайн предложила:

– Давайте расскажем, кто откуда.

– Уотфорд, – откликнулась Гейнор. – Никогда не забиралась так далеко на север. Боюсь, у меня от холода вот-вот кровь носом пойдет! – Она ухмыльнулась.

– А я из Дербишира, – сказала Эми. – Это маленькая деревушка недалеко от Шеффилда. Наверное, вы о ней и не слышали.

– Это ведь тоже Йоркшир? – намотав четки на руку, осведомилась кислолицая.

– Да-да, я же говорю, совсем рядом с Шеффилдом, – вспыхнула Эми, – просто... просто на окраине.

Господи, ну почему она сразу не сказала, что из Шеффилда...

– А вы? Вы откуда? – спросила Вики, пытаясь втянуть в общий разговор кислолицую.

- Из Ливерпуля.
- Как вас зовут?
- Одри Даттон.

Больше ничего интересного о себе Одри за время поездки не сообщила. Замолчала, отвернулась и уставилась в окно.

Кэролайн встала на колени, опершись о спинку кресла, и поглядела на Жасмин, сидевшую в заднем углу автобуса.

- Жасмин, вы наверняка и сами работаете в какой-нибудь клинике красоты?
- Нет-нет, – девушка помотала головой. – Тоже еду, чтобы сбросить лишний вес.

Эми окинула взглядом ее стройное тело. Жасмин словно сошла с ее заветной карты желаний «Цели на следующий год».

- Сбросить вес? – хмыкнула Вики. – Да от тебя же ничего не останется!

Одри отвела взгляд от окна и, изучив тонкую фигурку Жасмин, неодобрительно покачала головой.

– Я – модель, только ужасно толстая, кутюрье от меня отказываются, – подала голос девушка, смутившись под взглядами.

Никаких жировых складок на ее животе женщинам рассмотреть не удалось, а тонкие ключицы, выступающие в вырезе свободного джемпера, скорее делали ее похожей на балерину и уж ни в коем случае не на грузную жену фермера.

- Все отдала бы за такую фигуру, как у тебя... – невольно вырвалось у Эми.

Что на уме, то и на языке, никуда не денешься.

– Не выдумывай, милая, – сказала Кэролайн, оглядев Эми. – У тебя фигура как фигура и личико симпатичное. Вот Вики не даст соврать.

- Эми – красивая женщина, – обернувшись, подтвердила та.

– Мать родную продала бы за твою гладкую кожу, – продолжила Кэролайн. – Кстати, именно за такой я и еду в «К прекрасной себе». Может, доктор сумеет омолодить меня на несколько лет... – Она потянула себя за щеки, показав всему автобусу ровные зубы, и прищурилась. – Ну что, пара-тройка чудодейственных кремов, и сойду за восемнадцатилетнюю, а?

Женщины дружно рассмеялись при виде ее уморительной рожицы, легкую улыбку выдавила даже Одри. Лед тронулся.

* * *

Автобус запрыгал на каменистой дороге, и разбуженная толчками Эми глянула в окошко на освещенный лунным светом лес. Сложно было поверить, что здесь некогда проходила подъездная дорога к процветающей больнице, кишашей врачами, сестрами и клиентами. Непросто представить, что эта местность вообще обитаема. Эми вспомнила слова водителя о кладбище и содрогнулась. А ну как ночью костлявый призрак постучит в ее дверь, клацая голыми фалангами пальцев?

Она вытерла рукавом подбородок и испуганно оглянулась: вдруг кто-то заметил, что она во сне пускает слюни?.. Салон был погружен в полумрак; все пять женщин спали. Кэролайн и Вики привалились друг к другу, Одри прижала голову к окошку, а Жасмин дремала, выпрямив спину и откинувшись на походную подушечку. Эми глянула на Гейнор. Та похрапывала с открытым ртом, положив голову на спинку кресла.

Дождь утих, и половинка луны подсвечивала лес, скользя серебристыми лучами по верхушкам деревьев. У водителя играла очередная песенка о вероломном ковбое, а микроавтобус тем временем углублялся в чащу.

Женщины одна за другой начали просыпаться: позевывали, потягивались, постанывали, разминая уставшие тела. Автобус вышел на финишную прямую.

– Боже, как я голодна! – пожаловалась Вики. – Надеюсь, нам дадут что-нибудь поесть?
– Сомневаюсь. Если у тебя есть при себе заправка, советую съесть ее прямо сейчас. – Гейнор заговорщицки подмигнула.

– Я слышала, что нам придется голодать, – заметила Одри, бросив угрюмый взгляд в окно. – Говорят, доктор очень строга.

– Понятно, что методы там суровые, – ответила Кэролайн, – но так и должно быть. Главное – результат. Мне вот все равно, что со мной будут делать, если к свадьбе Меган на Новый год я выйду отсюда молодой красоткой.

Она сжала руку Вики, и обе женщины вздрогнули от радостного волнения.

Эми дернулась, заметив в лесу черную тень, крадущуюся между деревьев.

– Видела? – шепнула она Гейнор.

– Что там? – Кэролайн наклонилась к ней, едва не придавив ее грудь. – Лиса, наверное, или еще какой зверек... Эти разговоры об убийствах да сумасшедших действуют тебе на психику.

– Ну, у нее был тяжелый день, – улыбнулась Гейнор, посмотрев на Эми, и та бросила еще один взгляд на тени, отбрасываемые качающимися на ветру ветками.

Зачем вообще открыла рот?.. Теперь женщины решат, что она слабоумная. Честно говоря, хотелось домой, в теплую постель.

– Ну все, шарики за ролики, – подал голос Глен.

– Глен, перестаньте! Опять напугаете девочку, – возмутилась Вики, нежно положив руку на плечо водителя.

– В Гросторпе этот поворот так и называется – «шарики за ролики», – объяснил Глен. – Просто псих... то есть такие больницы обычно строили так, чтобы их не было видно с дороги, подальше от любопытных глаз.

– Это общеизвестно, – холодно бросила кислотица.

Эми покосилась на Одри, надеясь, что в клинике не придется с ней много общаться. Одна мысль, что им предстоит играть в игру «узнай меня» с этой недружелюбной особой, повергла ее в трепет.

Автобус проехал на территорию клиники через черные кованые ворота, и Глен вытащил кассету из магнитолы.

– Дамы, добро пожаловать в клинику «К прекрасной себе»!

Женщины вытянули шеи, вглядываясь в скрытую под деревьями подъездную дорожку. Длинные перекрученные ветви, цепляясь друг за друга костлявыми артритными пальцами, создали над ней настоящий потолок. Наконец впереди показалось внушительное, окутанное темным покрывалом ночи здание, и пассажирки примолкли. Болтать уже не хотелось. В салоне раздавался лишь стук дождя, впивающегося колючими водяными иголочками в ветровое стекло автобуса.

9

Дженни отхлебнула чуть теплый кофе и недовольно сморщилась. Потянулась за банкой, потрясла ее: внутри застучали несколько оставшихся гранул, и надежда на новую чашечку испарилась. Она с отвращением проглотила остаток остывшей жидкости и швырнула банку в мусорное ведро.

Согнутая под углом настольная лампа освещала рабочую поверхность стола, на котором лежала пачка бумаги. Дженни придвинула ее ближе и составила большой лист – три на три. Оторвав зубами кусок клейкой ленты, скрепила листы. Получилось что-то вроде большого холста. Она перевернула его лицевой стороной вверх и, взяв короткий угольный карандаш, задумалась: с чего начать?

Покопавшись в глубинах памяти, решила, что вытаскивать старые воспоминания не менее опасно, чем извлекать осколок, засевший в теле много лет назад. Глянула в окно. Сплошная дождевая завеса... Ничего не видно, лишь отражение комнаты в темном стекле.

Все, что Дженни нажила, находилось в этих четырех сырых стенах. Небогатый скарб – для такого не нужен ни чердак, ни вторая спальня. С тех пор как ей исполнилось пятнадцать, особого выбора не было: передвигалась она с места на место налегке, только теперь вместо полиэтиленовых черных мешков для мусора использовала пластиковые контейнеры. Приходилось хранить только те вещи, которые что-то значат, а от балласта (в том числе душевного) безжалостно избавляться.

Лучшие ее работы, аккуратно свернутые и стянутые резинками, стояли в углу комнаты. Там были и рисунки углем, и акварели, и карандашные эскизы, а еще несколько картин маслом. Все они ждали того дня, когда у Дженни появится достаточно места, чтобы их развесить. На полке над кроватью хранилась корзинка с кисточками и старой деревянной палитрой, а еще выше висели несколько суровых морских пейзажей, нарисованных на маленьких, размером с почтовую открытку, картонках.

Прилепленные к стене фотографии представляли собой хронику ее детства. На первом, уже пожелтевшем, снимке Дженни была розовощекой малышкой, вопросительно поднявшей головку в полосатой парусиновой коляске. Личико перепачкано оранжевым соком фруктового льда, зажатого в пухлой ручонке. Дальше шли фотографии подросткового периода: школьные экскурсии и дискотеки, дружеские объятия и задиристые улыбки... Еще никакого представления о той боли, что приносят несчастная любовь, ипотека и налоги.

До того как Дженни исполнилось пятнадцать, едва ли не каждый ее шаг был запечатлен на фото. А потом жизнь словно кончилась. Последние снимки были посвящены автобусной поездке в Лондон, куда она отправилась с юными членами клуба при методистской церкви, намереваясь услышать благую весть.

Дженни покрутила в руках серебряный медальон, висящий на шейной цепочке. Открыла и вновь защелкнула крышечку. Безделушка досталась ей от жизнерадостной прабабки. Та, видимо, рассчитывала, что семейную реликвию вручат какой-нибудь голубоглазой светловолосой прапра. Наверняка старуха сейчас ворочается в могиле. Не ожидала, что украшение так запросто отдадут Дженни. Удрученный отец оставил его в палате, на пластмассовом прикроватном столике вместе с упаковкой табака «Голден Вирджиния» и тюбиком зубной пасты. Голубое сердце, покачивающееся на цепочке, – более позднее приобретение. Эх, надо было тогда попросить папу положить в медальон локон своих волос! Нет, промолчала, онемев от горя...

Она начала наносить яростные штрихи, царапая и едва не протыкая бумагу. Прямые линии соединяла в прямоугольники, а плавные дуги – в арки. Нетерпеливо штриховала, пока разрозненные части этюда не сложились в нечто знакомое, от чего затрепетало сердце. Дженни так судорожно стискивала карандаш, что побелели костяшки пальцев. Боялась остановиться, боялась забыть, упустить... Ничего нельзя потерять: каждый кусочек картины должен оказаться на своем месте, лечь четко и ясно, передав отложившееся в голове воспоминание.

Наконец на бумаге начал появляться образ – словно темный силуэт, выплывающий из тумана. Она ощутила мощный прилив адреналина, на миг подавивший чувство страха, овладевшее ее дрожащим телом.

Закончив, Дженни подхватила полотно и начала прикреплять его к стене маленькими кусочками изоленты, пытаясь не смазать черный рельефный рисунок. Уже потянулась к последнему углу, когда в дверь постучали. Она выпустила лист из рук, и тот немедленно свернулся в трубочку.

Наверняка Боб, жаждет услышать ее согласие...

Дженни откинула цепочку и, приоткрыв дверь, обнаружила на пороге незнакомого парня. Подставив ногу, она схватилась за ручку.

– Привет, я Том – твой новый сосед. Ну, может, «сосед» – это громко сказано... – Парень сыпал словами, словно сухим горохом из мешочка. – Только сегодня заселился в комнату напротив.

Дженни толкнула дверь, зажав в руке цепочку, и незнакомец рефлекторно просунул в щель свой ботинок, однако, опомнившись, быстро отступил.

– Что ты хочешь?

– У меня кончился табачок. Не одолжишь щепотку? Еще не разведаль, где тут ближайший магазин, вот и...

– Можешь не продолжать, мне твоя биография неинтересна, – вздохнула Дженни и пошла к столу.

Том, вновь сунув ногу между дверью и косяком, остался на пороге.

– Классные рисунки! Твоя работа? – услышала она за спиной, пересыпая табак в старый конверт, и резко обернулась.

М-да, дверь-то ведь не захлопнулась... Парень стоял у кровати, разглядывая картины.

– Моя, моя. – Лаконичный ответ дальнейшей беседы не предполагал. – Вот держи, до утра дотянешь.

Господи, уйдет он наконец?

– А пары бумажек для самокрутки не найдется, случайно? – не отставал Том, сунув конверт в карман.

– А ты скромняга, просьбами не надоедаешь. – Дженни раздраженно фыркнула.

– Я все верну – только доберусь до магазина, – пробормотал удивленный ее сухостью парень.

Упаковка в жестянке была пуста, и она, буркнув: «Подожди», вышла на кухню. Открыла ящик, достала новый пакетик и вдруг заметила в чайнике отражение стоявшего за спиной парня. Тот разглядывал лежащую на столе фотографию из обувной коробки. Дженни мигом развернулась и бросилась на него, сжав в руке макетный ножик.

– Чертова сумасшедшая! – взвизгнул новый сосед, когда она ударила деревянным острием в стол между его пальцев. – Ты могла мне палец отхватить!

Он прижал ладонь к груди, словно его и впрямь порезали, и Дженни прошипела:

– Убери лапы от моих вещей!

– Дурак я! Не поверил, что ты ненормальная... Хотел с тобой по-людски, а ты и вправду больная на голову! – бормотал он, нервно моргая и пятясь к выходу.

Конверт и бумага полетели ему в лицо, и Том, не поблагодарив, выскочил из комнаты. Дженни хлопнула дверью, накинула цепочку и уперлась лбом в косяк.

Расслабившись, прошла в комнату и полезла под стол, куда спланировал выпавший из руки соседа снимок. С маленькой, слегка выцветшей фотографии смотрело личико крошечного новорожденного ребенка с вихром мягких светлых волосиков надо лбом. Белое одеяльце, розовые, как у китайской фарфоровой куклы, губы. Глазки закрыты. Дженни нежно провела пальцем по снимку. Думать ни о чем не хотелось.

Она села за стол и, вытащив из коробки пачку газетных вырезок, разложила их на гладкой деревянной столешнице. Развернула каждую по очереди.

Последний день сумасшедшего дома! Конец эпохи безумия! Бардак в местном здравоохранении!

В каждой статье смаковались сенсационные подробности жизни старой психиатрической лечебницы. Продержись «Сосновый край» до того, как городской совет переведет пациентов в столицу округа (как и было обещано), до истерики в прессе не дошло бы. Лечебница закры-

лась при таких впечатляющих и мрачных обстоятельствах, сопровождаемых внезапной смертью главной смотрительницы, что это лишь добавило масла в огонь.

Дженни поднялась и прикрепила к стене свернувшийся уголок новой картины. Отошла в сторону и изучила мрачное черно-белое великолепие фасада «Соснового края» с вонзавшейся в размытое темное небо часовой башней. Набрал на мобильном номер, она приложила телефон к уху.

– Привет, Боб. Это Дженни. Я готова.

10

На стойке администратора в вестибюле тесной кучкой стояли приветственные напитки. Клиника готовилась встретить новых участниц программы, жаждущих преобразить внешность и изменить свою жизнь. Доктор Кавендиш сидела в темноте, посматривая в бушующую за окном ветреную ночь. Ждала.

Часть мебели перекочевала в клинику из старой лечебницы, а вот шикарный стол когда-то принадлежал отцу Ребекки. Она провела пальцем по краям столешницы из орехового дерева, словно подставлявшей свои плавные изгибы под ее нежную ладонь. Зеленое кожаное покрытие еще хранило следы отцовских рук. Крошечные точки от «Паркера», неуклюже заклеенный маленький порез...

Будь отец жив, наверняка гордился бы достижениями дочери. Ей пришлось немало потрудиться, чтобы прийти к своей цели. Она никогда не теряла веры в то, что в один прекрасный день окажется здесь. И добилась своего. На стене за спиной висели сертификаты в рамочках – свидетельства упорной работы и успеха. Отец достиг профессиональных вершин в своей научной деятельности: вывел на рынок новые препараты. Работал как трудолюбивая пчелка и обеспечил благополучную жизнь жене и дочери. Мать наслаждалась, принимая в доме высокопоставленных гостей со всего мира.

Каждые выходные за длинным столом в гостиной устраивали такие банкеты, что у гостей текли слюнки. Блюда подавались потрясающе вкусные: жареная утка с соусом из ежевики, филе-миньон с картофелем фри, голубой сыр и вареные груши пашот, горячий клейкий камамбер и хлеб фантастической выпечки. Приглашенные жадно втягивали витающие над столом ароматы, дожидаясь момента, когда можно будет впитаться в посыпанную сахарной пудрой меренгу или в шоколадный торт с пропитанными шерри коржами.

Гости приходили и уходили, мелькала череда жадных лиц. Ребекке они напоминали птичек, караулящих на дереве, когда заботливая рука наполнит их кормушку. Дождавшись, они слетают с ветки и опустошают лоток. В детстве Ребекка нередко стояла в коридоре в своей сшитой на заказ сатиновой пижамке. Подглядывала в дверь, любуясь роскошными шелковыми платьями, сверкающими драгоценными камнями на алебастровых шеях и стройными фигурами дам, и не менее восхищенно смотрела на мать.

Та воплощала для маленькой дочери Голливуд пятидесятых: черные как смоль кудри и сияющие синие глаза, пышная грудь и узкие талия и бедра были предметом зависти приезжавших на приемы женщин. Обескураженные гости отпускали неловкие комплименты, рассматривая ее фарфорово-розовое лицо, прекрасный маникюр и прическу в стиле Элизабет Тэйлор. Такой женщиной, как мать Ребекки, мечтала стать каждая девочка, в том числе и ее собственная дочь. Мать была совершенством.

Из-за поворота показался конус света фар, и на подъездную дорожку выполз микроавтобус, на миг осветив заднюю стену кабинета. Доктор Кавендиш встала из-за стола и подошла к большому окну, однако предусмотрительно встала чуть поодаль, чтобы ее нельзя было разглядеть. Проводила глазами автобус до самого входа, где тот остановился. Двигатель затих, и

в ночной тишине, подчеркнутой ровным шумом дождя, послышался щебет выбирающихся из салона женщин.

Две ассистентки доктора спустились по ступеням и, поприветствовав гостей, открыли над ними специальные гигантские зонты. Помощницы были одеты в одинаковые темно-синие платья, облежавшие фигуру. Одинаковые прически – строгий пучок волос на затылке, одинаковые черты, словно у розовых куколок. Тина и Ким напоминали подружек новобрачной или девушек на подпевках: обе оттеняли основное действующее лицо, однако затмить его не могли. Доктор Кавендиш одобрительно наблюдала, как девушки деликатно собрали женщин в кучку и одну за другой провели в клинику.

Дама с кислым лицом – должно быть, Одри. Точно такое же разочарованное выражение, что и на приложенной к анкете фотографии. Доктор продолжала смотреть. Кэролайн и Вики узнать было несложно – они держались вместе. В поле зрения Ребекки появилась Жасмин. Прекрасна... Действительно стройна – фотоснимок не врет. Не идеальна, но работать с ней будет легче всего: надо лишь разгладить кожу лица и добавить тонуса мышцам рук.

Гейнор бурно и суетливо жестикулировала, хихикая над шутками водителя. Доктор Кавендиш даже вздрогнула, когда рыжая женщина разразилась взрывом хохота перед самой дверью.

Итак, пять. Где же шестая?

Наконец из-за автобуса появилась Эми, и Ребекка вздохнула. Бывали случаи, когда клиентки передумывали прямо перед входом. Ничего удивительного. Сумма платежа была невозвратной, но некоторые денег не считали.

Эми выглядела именно так, как и представлялось доктору. Прошла неуверенной походкой по площадке для парковки и заметалась в свете фар, словно заяц. Доктор Кавендиш испытала возбуждение: да, эту женщину можно изменить! Эми – самая сложная проблема, и все же она принесет Ребекке наибольшее удовлетворение.

За спиной доктора Кавендиш шевельнулась темная фигура. Подошла, встала рядом, поглядывая на улицу.

– Это она? – спросил мужчина, отхлебнув виски из тяжелого стакана.

Ребекка кивнула, поморщившись от тяжелого торфяного запаха напитка.

– Мило, – сказал мужчина, слизнув выкатившуюся из угла рта капельку. – Твой выбор, как всегда, безупречен.

Доктор Кавендиш промолчала, пристально разглядывая гостью, которая неуверенно топталась перед входом, словно решая – сбежать или остаться.

11

Эми бросила взгляд на часовую башню и на сморщенные лики скорчившихся на выступах крыши гаргулий. Чудища словно готовы были в любой миг броситься на прищельца. Поток дождя заливали темно-красные кирпичные стены, струились из водостоков и обрушивались на землю. Над лесом перекатывался гром. Эми оглянулась. Если у стены снова покажется та фигура в темном плаще, она бросится на колени перед водителем: пусть отвезет ее обратно на вокзал!

За спиной, в высокой траве, раздался негромкий звук, и Эми, подскочив от ужаса, успела заметить исчезающий в темноте пятнистый кошачий хвост. Ффффу... Обернувшись ко входу, она едва не столкнулась с изящно одетой женщиной с большим зонтом и с трудом перевела дух, прижав руку к сердцу.

– Прощу вас, – пригласила ее женщина, положив ладонь на промокшее плечо Эми. – Я – доктор Кавендиш. Приветствую вас в клинике «К прекрасной себе».

Фотографий доктора в брошюрке не было, и Эми ожидала увидеть суровую женщину в строгих очках, а перед ней стояла модная улыбающаяся дама.

– Простите, – подала голос Эми, пытаясь перекрыть шум дождя. – Я просто... просто осматривалась. Не думала, что у вас такое огромное здание.

– Пойдемте, дорогая. Вы ведь не хотите захворать до начала программы?

Доктор Кавендиш взяла ее за руку, словно маленькую девочку, и провела в фойе, где собралась группа участниц. Эми сделала шаг вперед, на красивую мозаичную плитку холла, однако доктор ее остановила.

– Давайте разуемя у входа. Мы приготовили для вас шлепанцы.

Доктор щелкнула пальцами, подозвав одну из ассистенток.

– Ким, будьте добры, принесите тапочки. Размер...

– Шестой, если не сложно, – попросила Эми.

Ким кивнула, исчезла за стойкой администратора и вынырнула с фланелевыми шлепанцами, украшенными вышитой эмблемой клиники.

– Пожалуйста, – сказала ассистентка, поставив их у ног вновь прибывшей.

Обе женщины молча разглядывали ноги Эми, пока та высвобождала грязные ступни из насквозь промокших балеток.

– Не переживайте, у вас будет возможность помыть ноги в номере, – успокоила ее доктор.

Эми надела теплые тапки и наклонилась за балетками.

– Нет-нет, не нужно, – улыбнулась доктор Кавендиш, сделав знак своей помощнице.

Ким подхватила туфли кончиками пальцев и опустила их в пластиковый пакет.

– Ну что ж, похоже, все в сборе.

Эми подвели к группе стоящих в ожидании женщин. Вики и Кэролайн восхищенно рассматривали узорчатую плитку, Жасмин зевала и потягивалась, а Одри мрачно вчитывалась в обнаруженный на стойке буклет.

– Шикарно, правда? – пробормотала Гейнор, взяв Эми под руку. – Интересно, а там что?

От угла вверх шла деревянная лестница, перекрытая алым шнуром. Эми пожалала плечами, не находя слов от нахлынувших впечатлений.

– Наверняка нас заселят в роскошные номера, – шепнула Гейнор.

– Уважаемые дамы! – хлопнув в ладоши, начала доктор Кавендиш.

Кэролайн отвлеклась, рассказывая Вики о последнем посещении спа-центра, и доктор хлопнула еще раз.

– Леди, прошу вашего внимания!

Кэролайн покраснела, и доктор продолжила свою речь:

– Приветствую вас в нашей прекрасной клинике. Вам предстоит нечто невероятное – если, конечно, вы готовы включиться в работу.

– А то! – воскликнула Гейнор под одобрительный смех всей группы.

– «Разумеется», – поправила ее доктор.

– А?

– «Прошу прощения?» – последовало еще одно замечание.

– Пардон... – повторила Гейнор.

– Уже лучше, – одобрительно улыбнулась доктор Кавендиш, и Гейнор наморщила лоб, словно ее только что попросили доказать теорему Пифагора. – Представлю вас нашей команде. Этих замечательных девушек вы будете встречать каждый день в течение предстоящего месяца. Впрочем, с моими ассистентами Тиной и Ким вы уже познакомились. Тина – опытный косметолог и умелый стилист, работает в клинике со дня ее основания. Ким присоединилась к нам недавно: мы буквально сняли ее с трапа океанского лайнера, где она заведовала фитнес-центром.

Гейнор, склонившись к уху Эми, зашептала:

– Только представь, бросить работу на круизном лайнере и переехать сюда...

– Аня – экономка и главный повар. Боюсь, сейчас она несколько занята: готовит завтрак. Утром вы наверняка ее увидите. А это, – доктор повернулась к двери слева, которая как раз начала открываться, – это Роберт.

Кэролайн пихнула в бок ковырявшую лак на ногтях Вики, и та, подняв голову, округлила глаза, заметив входящего в холл широкоплечего мужчину. Тот прошел в центр зала и встал подле доктора.

– Ну, теперь наша очередь, – пробормотала себе под нос Гейнор.

Роберту, сурового вида русоволосому мужчине с коротким конским хвостом, было около пятидесяти. Глаза бледно-голубые, точно яйца скворца, смуглая кожа, словно Роберт провел долгие годы где угодно, только не на севере Англии; на грубом лице – застарелые следы оспин. Костюм сидел на нем неловко, будто на подростке, которого мама собрала к воскресному походу в церковь. Эми поморщилась, разглядев его волосатые щиколотки – коричневые мокасины Роберт напялил на босу ногу.

Доктор Кавендиш продолжила, даже не взглянув на мужчину:

– Роберт займется вашей физической подготовкой, а Тина и Ким будут ему помогать. Сразу предупреждаю: тренер он требовательный.

Эми отметила взгляд, который Тина, слегка покраснев, украдкой метнула на Роберта. Ким смотрела прямо перед собой, время от времени адресуя женщинам ободряющую улыбку. Роберт также не сводил с них глаз.

– Клиника наша расположена на первом этаже – это очень удобно. Будьте добры на второй этаж не подниматься. – Доктор указала на алый шнур у лестницы. – Там идет ремонт и находятся жилые комнаты персонала. Прошу пользоваться своими помещениями. В номерах имеются ванные комнаты, а еще у нас есть столовая и зона релаксации. Если вдруг ночью возникнет чрезвычайная ситуация, хотя вы в это время должны крепко спать, – улынулась она, подняв вверх указательный палец, – то комнаты Тины и Ким находятся рядом с моим кабинетом.

Женщины закивали, озираясь в поисках упомянутых доктором комнат.

– Теперь каждая из вас должна подписать согласие, а затем девушки проводят вас в спальни.

Все потянулись гуськом за доктором Кавендиш и ее командой, Эми же задержалась у стола администратора, опасливо покосившись на твердо смотревший перед собой мраморный бюст. Проскользнув мимо, она отвела взгляд. Кто его знает, глянешь в такие глазищи – и сама превратишься в камень...

* * *

Зона релаксации, расположенная в самом центре здания, оказалась просторным помещением с шедшей поверху галереей. Женщины расселись на диванчиках и креслах, изучая предложенные им документы. Ким и Тина остались стоять, разглядывая участниц программы из-под длинных ярко-синих ресниц.

Эми моргнула, глядя на бумаги. Хотелось спать, хотелось есть. Слова перед ее глазами устроили сумасшедший танец, и она пыталась их поймать, извлечь хотя бы какой-то смысл.

– Решила вчитаться в пункты мелким шрифтом? – подтолкнула ее Гейнор. – Чем быстрее подпишешь, тем быстрее доберешься до кровати.

Эми уткнулась в бланк.

1а) Даю согласие выполнять подготовленную Клиникой программу, изложенную в настоящем соглашении, до тех пор пока не достигну поставленных перед собой целей, согласованных на этапе заявления на участие.

Она понятия не имела, какие цели согласовали ее родители с руководством клиники, хотя надеялась, что реалистичные. До Рождества оставался месяц. Неужто придется здесь задержаться? Нет-нет, только не это. Опять же, Эми рассчитывала, что отпуск на фабрике никак не может быть дольше четырех недель.

1б) Признавая, что доктор Кавендиш является экспертом в области врачебных эстетических манипуляций, буду следовать ее советам и предложенным ей методикам. В случаях, когда ее точка зрения будет противоречить моим взглядам, обещаю отдавать приоритет мнению доктора Кавендиш и неукоснительно придерживаться ее рекомендаций.

Веки Эми налились свинцом.

– Как мы продвигаемся, дамы?

Кэролайн и Вики выпрямились по стойке «смирно», когда доктор Кавендиш появилась на пороге. Гейнор нервно хихикнула, Жасмин углубилась в заполнение бланка, Одри же серьезно спросила:

– Прошу прощения, доктор, однако последний пункт... Мне кажется или это немного слишком?

Доктор улыбнулась, обернувшись к ассистенткам, и снова перевела взгляд на Одри.

– Гарантирую вам, Одри: если вы будете следовать моему плану, то наверняка добьетесь поставленных целей. Таким образом, последним пунктом я обещаю, что вы можете оставаться в клинике сколь угодно долго – до тех пор, пока программа не принесет желаемый эффект. Каждая из вас сознает, что сюда вы попали, поскольку иные методы не подействовали. Кого-то из вас не устраивает лицо, другие не в восторге от своего тела. Мы все изменим.

Одри, вздохнув, поставила подпись и вручила бланк доктору. Эми перелистнула несколько страниц, мельком просматривая изложенные на них условия, и наконец добралась до последнего пункта.

23с) Ставя подпись под настоящим договором, я соглашаюсь оставаться в Клинике до того момента, когда заявленные мною цели будут полностью достигнуты. Понимаю, что не вправе покидать здание и его территорию без четко выраженного разрешения доктора Ребекки Кавендиш. Подписывая договор, я вверяю заботу о моем теле доктору Кавендиш до тех пор, пока не добьюсь успеха.

Доктор остановилась перед креслом Эми, наблюдая за дрожащей над графой подписи ручкой. Взгляды женщин умоляли ее: *давай подпишем и отправимся по постелям...* Доктор с мягкой улыбкой присела на корточки рядом с Эми, и та, втянув сладкий запах ее духов, поднесла ручку к бумаге и поставила подпись.

– Обещаю, Эми: ко дню выписки вы себя не узнаете. Это будет лучший момент вашей жизни.

Она похлопала Эми по коленке рукой с безупречным маникюром и, забрав у нее последний бланк, обратилась к группе:

– Еще раз клянусь, что за это короткое время мы всеми правдами и неправдами сделаем из вас голливудских красоток, настоящих леди. Неважно, с какими целями вы сюда ехали: кто-то желал сбросить вес, другие подтянуть кожу и мышечный тонус. Результаты будут достигнуты, и они превзойдут ваши ожидания.

Кэролайн и Вики с обожанием смотрели на доктора, словно на Моисея на горе Синай.

– Завтра начнем первый этап программы: приступим к взвешиванию и измерению пропорций, далее – короткое обсуждение во время завтрака. Интуиция подсказывает, что каждой из вас будет сопутствовать успех. Надеюсь, никто не пронес в клинику запрещенные продукты?

Женщины дружно замотали головами, а Кэролайн даже засмеялась. Ассистентки, разложив чемоданы на полу, поочередно перебрали их содержимое, и Эми бросилось в глаза, что Гейнор смущенно потупилась.

Доктор Кавендиш подняла над головой находку – упаковку чайных пакетиков.

– Не представляю, как жить без чашки хорошего чая, – простонала Одри.

– Правила у нас предельно ясные, Одри: ни пищи, ни напитков с собой брать нельзя. Программа очень жесткая. Малейшее отклонение – и все пойдет насмарку. Неужели вы не знаете, насколько вредны для кожи дубильные вещества?

Ким развернула черный мешок для мусора, и доктор Кавендиш бросила туда контрабандный чай. За чаем последовал мобильный телефон, случайно оказавшийся в сумке Вики.

– Не хочется лишний раз повторять: необходимо четко соблюдать инструкции, иначе ничего не получится. Все поняли?

Одри тихо заворчала, бросив тоскливый взгляд на мусорный мешок.

– Поняли, доктор Кавендиш, – усталым хором ответили участницы программы.

Доктор посчитала чемоданы, замялась и пересчитала еще раз.

– У нас ведь все прибыли, не так ли?

Эми, покраснев, подняла руку, чувствуя, как заколотилось сердце.

– Я забыла багаж в поезде, но его обещали прислать, как только чемодан найдется. Наверное, не раньше, чем через несколько дней.

Доктор постояла в задумчивости, словно переваривая информацию, затем, оживившись, воскликнула:

– Никаких проблем! У нас тут запасной одежды хватает. Чуть позже вам что-нибудь принесут в комнату.

Эми облегченно выдохнула и улыбнулась. Слава богу, решила и рассказала о своей глупой рассеянности.

– Уважаемые леди, мы в клинике практикуем своеобразную мантру, и вы обязательно преуспеете, если будете ее регулярно повторять.

Доктор сделала знак Тине и Ким, и те присоединились к ней, отчеканив в один голос:

– Дисциплина и диета – дорога к достижениям!

Женщины устало переглянулись, и доктор, ответив им твердым взглядом, попросила ассистенток развести группу по комнатам.

– Понимаю, что вы устали, поэтому за ночь следует набраться сил. Пожалуйста, проходите за девушками. На прикроватных столиках вы найдете пилюли, которые я прописала вам для релаксации. Прошу принимать их каждый вечер: таким образом вы гарантируете себе здоровый сон. Пока вы спите, ваше тело занимается важнейшей работой – лечит само себя. Именно поэтому вам обязательно требуется полноценный отдых. – Доктор дождалась ответных кивков и продолжила: – Увидимся за завтраком. Хорошего вам сна, дорогие дамы. Жду не дождусь, когда мы с вами начнем новую жизнь.

Эми побрела за остальными, тяжело шаркая шлепанцами по сверкающей плитке. Дотащившись до центра комнаты, заметила на галерее у дальней стены мужской силуэт. Роберт... Мужчина сидел в потертом кресле с высокой спинкой, наблюдая за выходящими из комнаты участницами программы. Остановив взгляд на Эми, он улыбнулся, и она прибавила шагу, пытаясь избавиться от смутного беспокойства, которое внушила ей кривая ухмылка Роберта.

12

В коридоре едко пахло краской, и Эми задержала дыхание, почувствовав, как заслезились глаза. Вроде бы клиника работает уже около года, откуда бы взяться свежему ремонту?

Ее комната оказалась светлой и безупречно чистой. Впрочем, той роскоши, на которую рассчитывала Гейнор, не было и в помине. Бледно-розовые стены, белая кровать на металлической раме, хрустящие белоснежные простыни и колючее шерстяное одеяло, аккуратно заправленное под матрац, – вот, собственно, и все, если не считать маленькой прикроватной тумбочки. На внутренней стороне двери имелось несколько латунных крючков для одежды,

а на стенах красовались фотографии прекрасных знаменитостей – Мэрилин, Наоми, Синди, Кайли и леди Дианы, неотрывно следивших за Эми. Заглянув в окошко белой деревянной двери в углу, она осмотрела крошечную комнатку, выложенную сияющей плиткой. Пространства только-только хватает для компактного душевого уголка, унитаза и миниатюрной раковины.

На тумбочке стоял стакан с водой, рядом с ним – маленькая пластмассовая чашка, под ней – записка:

Эми, добро пожаловать в клинику «К прекрасной себе»! Пожалуйста, примите лекарство, и крепкий сон начнет обновлять ваше тело. С нетерпением ждем отличных результатов!

Она потрясла чашечку, на дне которой перекатывалась наполненная порошком капсула, сунула лекарство на язык и запила водой.

Из окошка сквозило, и Эми, решив, что створка закрыта не до конца, придавила ее обеими руками. Нет, заперто как надо, щелей нет. И все же от окна шел легкий поток холодного воздуха, будто в раме было не стекло, а сетка.

Все комнаты для гостей располагались на первом этаже. Ее спальня выходила на задний двор клиники. С двух сторон – красные кирпичные стены первого и второго крыла. За шедшей между ними дорожкой находился навес из потрескавшихся от старости плексигласовых панелей. На стене что-то написано краской из баллончика; темно, не разобрать... Дальше виднелся лес. Наверное, при свете дня чаша выглядит загадочно и красиво, однако сейчас воображение рисовало вместо темных деревьев армию солдат, которые вот-вот нагрянут в клинику и возьмут Эми в плен.

Она задернула шторы и неохотно опустила руку. На миг закружилась голова.

От батареи под окном веяло холодом, а термостата не было. Одежда уже высохла, и Эми нырнула в постель не раздеваясь. Потянулась за сумочкой, вытащила рекламный буклет и прислонила подушку к железному изголовью. Некоторое время лениво читала, пока в коридоре не брякнул звонок.

Свет во всем здании погас. Эми продолжала сидеть в кромешной темноте, надеясь, что через несколько минут зрение приспособится к мраку. Дома был маленький ночник на батарееках – симпатичная лампа в виде котенка. Эх, не взяла... Вспомнились жутковатые рассказы Глена о старой психиатрической лечебнице, и она немедленно представила себе висящих в петле самоубийц и бродящих по коридорам темных призраков.

Надо сосредоточиться на чем-нибудь привычном и знакомом. Увы, комната была окутана плотным покрывалом тьмы. Ни зги не видно... Закрыв глаза, Эми натянула одеяло до подбородка и поворочалась, привыкая к незнакомой неудобной кровати. Где-то вдали зазвучала музыка, и незаметно подкрался сон.

13

– Я просто хочу сказать, что не нужно было тыкать ножом в бедного парня.

Боб сунул в рот сигару и пожевал губами. К потолку всплыл плотный клуб табачного дыма.

Перегнувшись через него, Дженни открыла окно.

– Вроде бы мне удалось его не зацепить.

– Какая разница – удалось, не удалось...

После ее звонка Боб не стал откладывать дело в долгий ящик: появился уже через пару часов. Сунув руку в карман, достал оттуда предмет в кожаном чехле и щелчком подбил его к

центру стола. Дженни поймала футляр влет – так ковбой ловит стакан виски на стойке бара в салуне. Ага, цифровая камера. Она расстегнула застёжки и покрутила диски управления.

– Отлично! Кстати, эта штука не мешает мне и для творчества.

– Сделаешь дело – считай, что камера твоя. У меня таких целый ящик; не знаю, куда девать.

Дженни вытащила из футляра кабель и, присев на корточки, воткнула его в розетку у пола. Загорелся индикатор зарядки.

– Послушай, ты должна вести себя осмотрительно, – сказал Боб, не сводя с нее глаз.

Дженни глянула на него снизу вверх, не отрываясь от новой игрушки.

– Там серьезная охрана, и мне совсем не хочется, чтобы ты влипла в неприятности. Если тебя застукают и свяжут со мной, мне придется поставить крест на планах по застройке, причем не только на холме – во всем городе.

– Все будет хорошо, не паникуй.

Боб подошел к новой картине и остановился, окутавшись сизым облаком.

– Меня в дрожь бросает от этого места. Чем скорее его снесут, тем лучше.

– О городе заботишься или о своем кармане?

– Ты сама неплохо поднимешься на этом дельце, заодно и мне принесешь пользу. Когда еще ты получала три штуки зараз?

Дженни таких денег и близко не видывала. Раньше ее доходы сводились к вожделенным карманным деньгам, потом к пособиям. В промежутках между этими этапами ей почти ничего не перепадало.

Боб вытащил из кармана дублички толстый конверт и швырнул его на кровать.

– Здесь аванс. Наверняка понадобятся какие-то расходы – фонарик и так далее. Остальное получишь, когда у меня будет достаточно материала, чтобы вывалить его против докторши. Загляну на следующей неделе; надеюсь, к этому времени у тебя уже будет чем похвастаться.

Дженни метнула взгляд на открытый конверт, из которого выползло несколько десятифунтовых банкнот, а Боб, направляясь к двери, бросил на ходу:

– И не трогай моих арендаторов. Если они смоются отсюда под покровом ночи, я потеряю арендную плату и винить в этом буду именно тебя. Поняла?

Дженни скорчила ему вслед гримасу, показала язык и захлопнула дверь, не забыв накинуть цепочку. Упав на кровать, схватила конверт: двести фунтов!.. Она перевернулась на спину и уставилась в потолок, прислушиваясь к хрипу портативного телевизора, который за тонкой перегородкой включил Том. Они еще разок пересеклись в общей кухне, где Дженни готовила бобы на тосте. Заметив в ее руках длинный нож для хлеба, Том развернулся и нырнул в свою комнату. Дженни даже не успела поднести нож к буханке, когда его дверь с треском захлопнулась.

Она перевела взгляд на новую картину. «Сосновый край»... Двойственные чувства: с одной стороны – нездоровое возбуждение, с другой – впору свернуться калачиком и крикнуть: «Не хочу!»

«Сосновый край» забрал у Дженни большую часть души и долго не отпускал бывшую пациентку, держа безжалостными пальцами за сердце. Ее самоощущение изменилось в лечебнице настолько, что уже никто не признал бы в ней девочку, вошедшую много лет назад в дверь под часами. Слава богу, удалось освободиться, сохранив толику рассудка. Оставалось лишь надеяться: войдя в ту же реку, она не потеряет то небольшое, что в ней еще осталось.

Неделя первая

14

Яростная трель звонка в коридоре вырвала Эми из череды бессвязных тревожных снов. Она прислушалась: в соседней комнате зашуршали простыни. Гейнор тоже проснулась, и Эми облегченно вздохнула. У нее тут подруга, и есть с кем перекинуться словечком в эти первые дни в клинике, пока все так странно и непривычно.

За окошком уже было светло; сквозь тяжелые шторы пыталось пробиться солнце. Эми покосилась на часы. Одиннадцать...

Она поспешно выпрыгнула из постели и заметалась по комнате, не зная, за что браться: то ли почистить зубы, то ли сперва одеться. Одиннадцать часов! У нее вдруг отяжелели ноги, и она, покачнувшись, ухватилась за спинку кровати. Сто лет так не спала – выпалась и отдохнула как никогда. Подойдя к окошку, Эми раздвинула шторы: бледно-серые облака пропускали немного солнца, подсветившего бутыльно-зеленый лес. Прямо напротив здания чаша раздалась в стороны, образуя вполне проходимую тропу.

В коридорах продолжал дребезжать звонок, постепенно затихая, пока не превратился в едва слышный тихий гул. Эми осмотрелась по сторонам. Ого, что это? На латунной вешалке висело просторное платье с цветочным орнаментом. Длинные рукава присобраны у манжет, отложной воротник, глубокие карманы. Неужели в запасниках доктора Кавендиш не нашлось ничего более приличного? Эми оглядела одежду, в которой провела весь вчерашний день и даже не сняла на ночь. Что ж, нищим выбирать не приходится...

Вчера на крючке ничего не висело. Стало быть, кто-то заходил в комнату ночью. Ощувив пробежавший по спине холодок, она двинулась было в ванную и тут же остановилась, обругав себя последними словами. Щетка и паста остались в потерянном чемодане...

* * *

– Господи, это еще что такое?

Гейнор уставилась на миниатюрный стаканчик с томатным соком и висящий на нем тоненький ломтик яблока. Рядом с напитком стояло белое блюдце с разноцветными пиллюлями.

Ламинированная табличка на стене гласила, что к приему пищи без разрешения доктора Кавендиш приступать запрещено. Эми отвела взгляд от яблока. Никогда в жизни так не хотелось фруктов! Целые сутки ни крошки во рту. Живот в предвкушении еды издавал совершенно неприличные звуки. Наконец в коридоре застучали каблучки, и женщины выпрямились на стульях, словно школьницы, ожидающие прихода директора. Появившаяся на пороге доктор Кавендиш широко улыбнулась и приветственно взмахнула рукой.

– Доброе утро, леди! Надеюсь, все выпались?

– Спала как дитя, – отозвалась Кэролайн.

– Рада слышать.

Кэролайн, ухмыльнувшись, повернулась к Вики.

Доктор Кавендиш сегодня надела другой, не менее изысканный костюм; ее волосы были по-прежнему уложены в аккуратный пучок на затылке. Ногти доктора бросались в глаза: длинные, острые, покрытые темно-розовым лаком. Идеальные ногти. Впрочем, наверняка накладные, решила Эми, глянув на свои обрубки. Вроде бы в программе упоминалась ногтевая сту-

дия. Кроме того, их ждал профессиональный макияж и обучение правильной чистке зубов. Все предусмотрено.

Одри, сняв ломтик яблока с бокала, поднесла его ко рту.

– Не торопитесь, – одернула ее доктор. – Сначала нам следует победить свои страхи. Этим и займемся.

Одри бросила яблоко на тарелку и глянула на других участниц программы. Доктор указала им на весы и, вызвав дружный стон группы, достала рулетку, размотавшуюся змеей до самого пола.

– Вы видели в этом прекрасном здании множество зеркал. Так вот: зеркало, весы и рулетка – ваши лучшие друзья, отнюдь не враги. Успех будем оценивать регулярным измерением ваших параметров. Боюсь, добровольцев я не дождусь, так что начну вызывать по списку.

Доктор поставила весы на небольшое возвышение в эркере.

– А... нельзя ли провести эту процедуру конфиденциально? – взмолилась Жасмин.

– Гласность – ключевой стимул, Жасмин. Сами увидите: чем больше группа будет знать о поставленных вами целях, тем упорнее вы станете трудиться, чтобы их достигнуть.

Жасмин откинулась на стуле, вытянув вперед длинные ноги.

– Давайте начнем с меня, – вдруг выпалила Эми. Раньше сядешь – раньше выйдешь...

– Прекрасно, Эми! Добро пожаловать на подиум!

Она встала, отодвинув стул, и ее длинная цветастая хламида вздулась пузырем на подушающем от двери сквозняке.

– Ого, похоже, у нас намечен торжественный завтрак? – захихикала Кэролайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.